

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов

Стихотворения, 1832–1841

1832

«Люблю я цепи синих гор...»*
Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне – угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари..
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль среди степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне,
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня
И гриву и хребет коня
Сребристым блеском осыпал:
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытии
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел..
И вокруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!
Солнце*
Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..
Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блеснит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?
«Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови...»*
Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. ни любви,
□□□□□□ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,

Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..
Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»)*
Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
И я тебя люблю!..
Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.
В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем;
Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами – их убор:
Мы вольны и добры; – зачем твой взор
Летит к стране другой?
Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит среди родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час,
Послушай! час один!
– Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.
Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.
«Она была прекрасна, как мечта...»*
Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный, гибкий стан
Или большие очи? – но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов – любить никто не мог;
Взор без огня – без запаха цветов!
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство – яд!
«Время сердцу быть в покое...»*
Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет –
То безумной страсти след:
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..
Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?

Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.
Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишкм знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.
«Склонись ко мне, красавец молодой...»*

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! – ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь – а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? – я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! – бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, –
Ты помнишь? – Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье – но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих – эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых, –
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине – ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну – день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О наслаждайся! – ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! – чего не вынесешь любя!
«Девятый час; уж темно; близ заставы...»*
Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; – дождя не будет, небо ясно, –

Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна – блещут только два –
И там – чем не богата ты, Москва!
Но, чу! – к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. – Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат колеблясь доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, – свечка. – Кто тут? – Он.
Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.
Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? – ужель одно название?
Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? – но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов – любить никто не мог,
Взор без огня – без запаха цветов!
Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадоны – и мадоны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь волнуясь поцелуй звала;
Он был не папа – а она была..
Ну что же? – просто дева молодая –
Которой всё богатство – красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? – любить не ставит в грех
Та одного – та многих – эта всех!
Я с женщиною делаю условие
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел –
И тотчас раздеваться ей велел!
«Как в ночь звезды падучей пламень...»*
Как в ночь звезды падучей пламень
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но всё под ним змея.
Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.
Молю о счастье, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало
Как для царя венец.
И все мечты отвергнув снова,
Остался я один –
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

К * («Я не унижусь пред тобою...»)*
Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку –
Безумец! – лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!
В альбом Н. Ф. Ивановой*
Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.
И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.
В альбом Д. Ф. Ивановой*
Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет –
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.
«Как луч зари, как розы Леля...»*
Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля

Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..»
* * *

Синие горы Кавказа, приветствую вас!* вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..
* * *

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подоился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущении, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.
Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел неожиданный, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.
* * *

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит, в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром – в тишине увядая душою – желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

Романс («Стояла серая скала на берегу морском...»)*
Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, – и новую тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, – но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих – минуты прежних дней!..
Прелестнице*

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..

Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут как хотят!
«Ты молод. Цвет твоих кудрей...»*
Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! – я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова...»)*
Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль..
Но понимаем был одним.
И тот один, когда рыдая
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины.
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.
«Измученный тоскою и недугом...»*
Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.
«Нет, я не Байрон, я другой...»*

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русской душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит,
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!
Романс («Ты идешь на поле битвы...»)*

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет,
И душа твоя увянет,
В дальней стороне
Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.

3

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки..
О, хотя во сне
Вспомни обо мне!

Сонет*

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.
Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, – я не любим тобой,
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском
Стоит, – у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.
«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья...»*
Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья,
□Я увядаю в полном цвете!
Пускай! – я не был раб земного наслажденья,
□Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
□Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
□Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает
□Краснея гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
□Как воскрешать всё то, что мило.

Быть может, ослеплен огнем его сиянья
□Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
□За мной бегущие повсюду.
К * («Мы случайно сведены судьбою...»)*
Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!
Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.
Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.
Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!
Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.
«Поцелуями прежде считал...»*
Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.
И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!
И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!
«Послушай, быть может, когда мы покинем...»*
Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастье рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне – вселенной!
К * («Оставь напрасные заботы...»)*
Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь – верю – и довольна;
Кого, – ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

Баллада (С немецкого)*

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
□□□□□□□□увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
□□□□□□□□прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь –
□□□□□□□□увы!
Разлука пришла – и девичья любовь
□□□□□□□□прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
□□□□□□□□увы!
И красотки печали своей говорят:
□□□□□□□□прости!

Бой*

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один – серебряной обвешан бахромою,
Другой – в одежде чернеца.
И видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом;
Вдруг поднял он концы сребристого покроя,
И я под ним заметил – гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.
«Я жить хочу! хочу печали...»*
Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.
«Смело верь тому, что вечно...»*
Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.
Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.
Всё на свете редко стало:
Есть надежды – счастья мало;
Не забвение разлука:
То – блаженство, это – мука.
Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?
«Приветствую тебя, воинственных славян...»*
Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

. . . .

желанье*

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.
Дайте мне челнок досчатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущусь в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.
Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

К * («Мой друг, напрасное старанье...»)*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, название,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои – они святое царство
Души задумчивой моей...

Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.

Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.

Бережь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

К * («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»)*

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.

Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.
К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.

Певца твоя ласка утешить не может,
Зачем же он сердце твое потревожит?
О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

Два великана*

В шапке золота литого

Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хватя за вражеский венец.
Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел – тряхнул главою..
Ахнул дерзкий – и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.
К * («Прости! – мы не встретимся боле...»)*

1

Прости! – мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! – твое сердце на воле..
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки – значенье ничтожно,
И презрено гордой толпой –
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,
Но вечность – ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! – не жалею безрассудно,
О краткой любви не жалею:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!
«Слова разлуки повторяя...»*
Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей.. но я?..
Оставь страдальца! – будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.
Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!
Я схоронил навек бывшее,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..
«Безумец я! вы правы, правы!..»*
Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,

Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать,
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?
«Она не гордой красотой...»*
Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее – не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос души проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.
«Примите дивное посланье...»*
□Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье –
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен – всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно, и ново –
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..
□И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен,
(Назло былым и новым дням)
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.
Челнок («По произволу дивной власти...»)*
По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,

Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид:
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится – и на воле!
Погиб – и дан ему покой!..
«Что толку жить!.. Без приключений...»*
Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями – тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольню узнавать повсюду
Под гордой важностью лица,
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть –
Всё веселее умереть.
Конец! Как звучно это слово,
Как много – мало мыслей в нем;
Последний стон – и всё готово,
Без дальних справок – а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой –
Что за блаженство, боже мой!
«Для чего я не родился...»*
Для чего я не родился
Этой синеве волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;

Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Парус*

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
«Он был рожден для счастья, для надежд...»*
Он был рожден для счастья, для надежд,
И вдохновений мирных! – но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил – и бог не спас!
Так сочный плод до времени созрелый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты – его паденья час!
И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках – ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

Тростник*

Сидел рыбак веселый
На берегу реки;
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.
И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!
«И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
«И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер

Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.
«Моей любви просил он...
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он –
я денег не брала;
Несчастную сгубил он
Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;
«И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой;
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».
Русалка*

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка – и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города.

4

«И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

«Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
Целовали красавца не раз.

6

«Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит, – и склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая!..»)*
Куда так проворно, жидовка младая!
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка золотая,
И скоро спадет башмачок.
Вот мост! вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала, нет силы!..
Вот дом – и звонок у дверей.
Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала..
И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетья печали была;
Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...
«Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...
«И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,
Он будет как тень за тобой...
«Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.
Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет...
И что-то сверкнуло в руке обнаженной
И мрачен глухой был ответ;
И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью дышало
И больше, чем жизнью одной!
Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

Гусар*

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен,
И счастье на земле – туман!
Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегись думы черной –
Она черней твоих усов.
Пусть судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.
Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».
Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетаёт за тобой.
Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желанья любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?
Молчишь – и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы – зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..
Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1833

Юнкерская молитва*
Царю небесный!

Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моление
Прошу принять –
В то воскресенье
Дай разрешение
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833–1834

«На серебряные шпоры...»*
На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.
Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжанных коней.
Но с успехом просвещенья
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;
В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били – нынче колют!..
Что же выгодней? – бог весть!..
«В рядах стояли безмолвной толпой...»*
В рядах стояли безмолвной толпой,
□Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
□Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
□Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
□На гробе досчатом лежали.
И билось сердце в груди не одно
□И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
□Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
□Тоска наши души сжимала;
И горсть роковая прощальной земли,
□Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
□Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил,
□Да вечную память меж нами!

1836

Умиравший гладиатор*
I see before me the gladiator lie...

Byron. [1]

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...

И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освищенный актер.
И кровь его течет – последние мгновенья
Мелькают, – близок час... вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего неменьшие длани,
Зовущего к себе опоры дряхлых дней...
Детей играющих – возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой,
Напрасно – жалкий раб, – он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, – прости, о край родной...
Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!
И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины
И рыцарских времен волшебные преданья –
Насмешливых льстецов несбыточные сны.
Еврейская мелодия (Из Байрона)*
Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез –
Они растают и прольются.
Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал – теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.
В альбом (Из Байрона)*
Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.
«Великий муж! Здесь нет награды...»*
Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.
Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «он любил отчизну!»
1837

Бородино*

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
□Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
□Про день Бородина!»
– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
□Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
□Не отдали б Москвы!
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
□Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
□О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
□Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
□Французы тут-как-тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
□Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
□За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
□Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
□Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
□Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
□Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
□Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
□Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
□Умерте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
– И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали

□Мы в бородинский бой.
Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
□И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
□Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
□В дыму огонь блеснул,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
□Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удачный,
□Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
□Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
□И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
□Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
□Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
□Не отдали б Москвы!
Смерть Поэта*
□□□Погиб поэт! – невольник чести –
□□□Пал, оклеветанный молвой,
□□□С свинцом в груди и жаждой мести,
□□□Поникнув гордой головой!..
□□□Не вынесла душа поэта
□□□Позора мелочных обид,
□□□Восстал он против мнений света
□□□Один как прежде... и убит!
□□□Убит!.. к чему теперь рыдания,
□□□Пустых похвал ненужный хор,
□□□И жалкий лепет оправданья?
□□□Судьбы свершился приговор!
□□□Не вы ль сперва так злобно гнали
□□□Его свободный, смелый дар
□□□И для потехи раздували
□□□Чуть затаившийся пожар?
□□□Что ж? веселитесь... – он мучений
□□□Последних вынести не мог:
□□□Угас, как свечеч, дивный гений,
□□□Увял торжественный венок.
□□□Его убийца хладнокровно
□□□Навел удар... спасенья нет:
□□□Пустое сердце бьется ровно,
□□□В руке не дрогнул пистолет.
□□□И что за диво?.. издалёка,
□□□Подобный сотням беглецов,
□□□На ловлю счастья и чинов
□□□Заброшен к нам по воле рока;
□□□Смеясь, он дерзко презирал
□□□Земли чужой язык и нравы;
□□□Не мог щадить он нашей славы;

□□□ Не мог понять в сей миг кровавый,
□□□ На что он руку поднимал!..
□□□ И он убит – и взят могилой,
□□□ Как тот певец, неведомый, но милый,
□□□ Добыча ревности глухой,
□□□ Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
□□□ Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
□□□ Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
□□□ Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
□□□ И умер он – с напрасной жадной мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
□□□ Замолкли звуки чудных песен,
□□□ Не раздаваться им опять:
□□□ Приют певца угрюм и тесен,
□□□ И на устах его печать. –
* * *

□□□ А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игру счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
□□□ Таитесь вы под сению закона,
□□□ Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
□□□□□ Есть грозный суд: он ждет;
□□□□□ Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
□□□□□ Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
□□□□□ Поэта праведную кровь!
Ветка Палестины*
Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?
У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?
Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?
И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?
Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..
Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?
Иль, божьей рати лучший воин,

Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..
Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!
Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой..
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.
Узник*

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.
* * *

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил.
* * *

Одинок я – нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.
Сосед*

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь – а после тайной.
Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне умирая посылает,
И опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает,
Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю – и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они – не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются..
И лучших лет надежды и любовь
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит – и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.
«Когда волнуется желтеющая нива...»*
Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...
Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)*
Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.
«Расстались мы; но твой портрет...»*
Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!
«Я не хочу, чтоб свет узнал...»
Я не хочу, чтоб свет узнал*
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..
Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;
Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;
Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...
«Не смейся над моей пророческой тоскою...»*
Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
□С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; – настанет час кровавый,
□И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
□□И я погибну без следа
□□Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
□Давно пора мне мир увидеть новый;

□ Пускай толпа растопчет мой венец:

□□ Венец певца, венец терновый!..

□□ Пускай! я им не дорожил.

Эпиграмма на Н. Кукольника*

В Большом театре я сидел,

Давали Скопина: – я слушал и смотрел.

Когда же занавес при плесках опустился,

Тогда сказал знакомый мне один:

Что, братец! жаль! – вот умер и Скопин!..

Ну, право, лучше б не родился.

Эпиграмма на Ф. Булгарина, I*

Россию продает Фадей

Не в первый раз, как вам известно,

Пожалуй он продаст жену, детей

И мир земной и рай небесный,

Он совесть продал бы за сходную цену,

Да жаль, заложена в казну.

Эпиграмма на Ф. Булгарина, II*

Россию продает Фадей

И уж не в первый раз злодей.

«Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул...»*

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети,

Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая в пустыне,

Сухосплетенные мышцы расправил, и корпии

Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет

Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,

Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.

«Остаться без носу – наш Маккавей боялся...»*

Остаться без носу – наш Маккавей боялся,

Приехал на воды – и с носом он остался.

А. Петрову*

Ну что скажу тебе я спросту?

Мне не с руки хвала и лесть:

дай бог тебе побольше росту –

Другие качества все есть.

«Спеша на север из далека...»*

Спеша на север из далека,

Из теплых и чужих сторон,

Тебе, Казбек, о страж востока,

Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века

Твой лоб наморщенный увит,

И гордый ропот человека

Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье

Да отнесут твои скалы

В надзвездный край, в твое владенье

К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный

На знойный дол и пыльный путь,

чтоб мне в пустыне безотрадной

На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,

Гремя в наряде боевом,

В ущельи мрачного Дарьяла

Меня с измученным конем,

Но есть еще одно желанье!

Боюсь сказать! – душа дрожит!

Что если я со дня изгнанья

Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?

Старинный встречу ли привет?

Узнают ли друзья и братья

Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных

я наступлю на прах родной

Тех добрых, пылких, благородных,

деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1838

К М. И. Цейдлеру*

Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.

К портрету старого гусара*

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

К Н. И. Бухарову*

Мы ждем тебя, спешу, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов,
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

Кинжал*

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.
Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, – то сверкали.
Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

«Гляжу на будущность с боязнью...»*

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;

Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.
«Слышу ли голос твой...»*
Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

«Как небеса твой взор блистает...»*

Как небеса твой взор блистает
□Эмалью голубой,
Как поцелуй звучит и тает
□Твой голос молодой;
За звук один волшебной речи,
□За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
□Грузинский мой булат;
И он порою сладко блещет,
□И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
□И в сердце кровь кипит.
Но жизнью бранной и мятежной
□Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
□И встретил милый взор.

«Она поет – и звуки тают...»*

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Дума*

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью – презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;

Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства –
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

А. Г. Хомутовой*

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнее.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.
И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить как тайной
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

Вид гор из степей Козлова*

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет всё небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?
Мирза
Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;

Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

Поэт*

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал, –
Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Терекот отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.
Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене –
Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

* * *

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?
Бывало, мерный звук твоих могучих слав
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.
Но скучен нам простой и гордый твой язык; –
Нас тешат блестящие и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны..
Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

1839

«Ребенка милого рожденье...»*

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;

Пускай глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем неведим!

А. А. Олениной*

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень,
И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vile!» [2]
Я счастья вам желаю
Et je vous félicite. [3]
Не верь себе*

Que nous font après tout les vulgaires abois

De tous ces charlatans qui donnent de la voix,

Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase

Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

А. Барбьер [4]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья..
Оно – тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
– То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!
Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, –
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.
Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заученным,
Как разгруженный трагический актер,
Махающий мечом картонным..
Три пальмы*

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли

Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.
И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»
И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.
Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали..
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.
Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.
Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.
Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.
И ныне всё дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.
Молитва («В минуту жизни трудную...»)*
В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
Дары Терека*
Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:
«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое, пригнал».
Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:
«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старую враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».
Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого

Сложит голову свою».
Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он взыграл, веселья полный –
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.
Памяти А. И. Одоевского*

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный –
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил – и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, – всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит;
Куда они? зачем? откуда? – кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет

Столь чуждое ему существование:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи –

6

И мрачных гор зубчатые хребты..
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.
«На буйном пиршестве задумчив он сидел...»*
На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.
И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

Э. К. Мусиной-Пушкиной*

Графиня Эмилия –
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»*
1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушных людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.
И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.
И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня

За рощей первое сиянье.
Так царства дивного всеильный господин –
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.
Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..
И скучно и грустно*
И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды..
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!
Любить... но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно..
Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг –
Такая пустая и глупая шутка..
«Посреди небесных тел...»*
Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.
Каждую ночь она в лучах.
Путь проходит млечный:
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно!
Казачья колыбельная песня*
Спи, младенец мой прекрасный,
□Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
□В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
□Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
□Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
□Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
□Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
□Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
□Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
□Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
□И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
□Шелком разошью..
Спи, дитя мое родное,
□Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
□И казак душой.
Провожать тебя я выйду –
□Ты махнешь рукой..
Сколько горьких слез украдкой
□Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
□Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
□Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
□По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
□Ты в чужом краю..
Спи ж, пока забот не знаешь,
□Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
□Образок святой:
Ты его, моляся богу,
□Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
□Помни мать свою..
Спи, младенец мой прекрасный,
□Баюшки-баю.

М. А. Щербатовой («На светские цепи...»)*

□На светские цепи,
На блеск утомительный бала
□Цветущие степи
Украины она променяла,
□Но юга родного
На ней сохранилась примета
□Среди ледяного,
Среди беспощадного света.
□Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
□Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,
□Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
□Как ветер пустыни
И нежат и жгут ее ласки.
□И зреющей славы
Румянец не щечках пушистых
□И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.
□И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
□В надежду на бога
Хранит она детскую веру;
□Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,
□И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;
□От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
□Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

«Есть речи – значенье...»*

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;
Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечаю,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
и брошур из битвы
Ему я навстречу.
Журналист, читатель и писатель*
Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit. [5]

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточение,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, –
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу – нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь – сотни опечаток!
Стихи – такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом – сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад –
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим..
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету –
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться,
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться –
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положение!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус – всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, –
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетсЯ как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотою
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Всё это так, – да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова..
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет..
Бывают тягостные ночи:

Без сна, горят и плачут очи,
На сердце – жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется – и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман –
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...
Воздушный корабль*

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.
Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.
Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.
Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных

Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.
Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.
Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.
И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры –
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.
И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:
Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.
Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один –
Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,
Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.
Соседка*
Не дожидаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей!
И у двери стоит часовой!
Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.
Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.
На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,
Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.
Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – отворится клетка,
И как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.
У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.
Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Пленный рыцарь*

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.
Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцырь железный.
В каменный панцырь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит,
Быстрое время – мой конь неизменный,
Шлема забрало – решетка бойницы,
Каменный панцырь – высокие стены,
Щит мой – чугунные двери темницы.
Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой броней мне стало!
Смерть, как приедем, поддержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

М. П. Соломирской*

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.
И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.
Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.
Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.

Отчего*

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.

Мне грустно... потому что весело тебе.

Благодарность*

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души, растрченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Из Гёте*

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.
Ребенку*

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! – Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? – Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...
Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склоняюсь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменья креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, – скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнее, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? – звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, – ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

А. О. Смирновой*

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

К портрету*

Как мальчик кудрявый резва,

Нарядна, как бабочка летом;

Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.
Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.
Таит молодое чело
По воле – и радость и горе.
В глазах – как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!
То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

Тучи*

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.
Валерик*

Я к вам пишу случайно; право
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.
И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог!
Во-первых потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, – но вас
Забыть мне было невозможно.
И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;

Судьбе как турок или татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар или виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу – дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик – и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилась пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? – что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли – дай огниво! –
Подъем ударил барабан –
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке – два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет – где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,

Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. – Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...
Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кроважадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...
Раз – это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов [вы]носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо – там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура – и смолкло. – Вон кинжалы,
В приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.
На берегу, под тенью дуба,

Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
Спасите, братцы. – Тащат в горы.
Постойте – ранен генерал...
Не слышат... Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел <я> недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струюю дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми.
– А сколько их дралось примерно
Сегодня? – Тысяч до семи.
– А много горцы потеряли?
– Как знать? – зачем вы не считали!
Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.
Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить

Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?
Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? –
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..
Завещание («Наедине с тобою, брат...»)*
Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.
Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!
1841

Оправдание*

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, –
И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь, –
Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, –
Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной,
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Родина*

Люблю отчизну я, но странною любовью!

□ Не победит ее рассудок мой.

□□ Ни слава, купленная кровью,

Ни полный гордого доверия покой,

Ни темной старины заветные преданья

Не шевелят во мне отрадного мечтанья./п

□□ Но я люблю – за что, не знаю сам –

□□ Ее степей холодное молчанье,

□□ Ее лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек ее подобные морям;

Проселочным путем люблю скакать в телеге

И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень.

□□□ Люблю дымок спаленной жнивы,

□□□ В степи ночующий обоз,

□□□ И на холме среди желтой нивы

□□□ Чету белеющих берез.

□□□ С отрадой многим незнакомой

□□□ Я вижу полное гумно,

□□□ Избу, покрытую соломой,

□□□ С резными ставнями окно;

□□□ И в праздник, вечером росистым,

□□□ Смотреть до полночи готов

□□□ На пляску с топаньем и свистом

□□□ Под говор пьяных мужичков.

Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец...»)*

Под фирмой иностранной иноземец

Не утаил себя никак –

Бранится пошло: ясно немец,

Похвалит: видно, что поляк.

«На севере диком стоит одиноко...»*

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна

И дремлет качаясь, и снегом сыпучим

Одета как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой –

В том крае, где солнца восход,

Одна и грустна на утесе горячем

Прекрасная пальма растет.

Любовь мертвеца*

Пускай холодною землею

□□ Засыпан я,

О друг! всегда, везде с тобою

□□ Душа моя.

Любви безумного томленья,

□□ Жилец могил,

В стране покоя и забвенья

□□ Я не забыл.

* * *

Без страха в час последней муки

□□ Покинув свет,

Отрады ждал я от разлуки –

□□ Разлуки нет.

Я видел прелесть бестелесных,

□□ И тосковал,

Что образ твой в чертах небесных

□□ Не узнавал.

* * *

Что мне сиянье божьей власти

□□ И рай святой?

Я перенес земные страсти

□□ Туда с собой.

Ласкаю я мечту родную
□□Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
□□Как встарину.
* * *

Коснется ль чуждое дыханье
□□Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
□□Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
□□Ты о другом,
Твои слова текут пылая
□□По мне огнем.
* * *

Ты не должна любить другого,
□□Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
□□Обручена.

Увы, твой страх, твои моленья
□□К чему оне?

Ты знаешь, мира и забвенья
□□Не надо мне!

Последнее новоселье*

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий

□□□В изгнаныи мрачном и в цепях;

□□Меж тем, как мир услужливой хвалою

Венчает позднего раскаянья порыв

И вздорная толпа, довольная собою,

□□□Гордится, прошлое забыв, –

Негодование и чувству дав свободу,

Поняв тщеславие сих праздничных забот,

Мне хочется сказать великому народу:

□□□Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок потому, что вера, слава, гений,

Всё, всё великое, священное земли,

С насмешкой глупою ребяческих сомнений

□□□Тобой растоптано в пыли.

Из славы сделал ты игрушку лицемерья,

□□□Из вольности – орудье палача,

И все заветные отцовские поверья

□□□Ты им рубил, рубил сплеча, –

Ты погибал... и он явился, с строгим взором.

□□Отмеченный божественным перстом,

И признан за вождя всеобщим приговором,

□□□И ваша жизнь слилася в нем, –

И вы окрепли вновь в тени его державы,

И мир трепещущий в безмолвии взирал

На ризу чудную могущества и славы,

□□□Которой вас он одевал.

Один, – он был везде, холодный, неизменный,

Отец седых дружин, любимый сын молвы,

В степях египетских, у стен покорной Вены,

□□□В снегах пылающей Москвы.

А вы, что́ делали, скажите, в это время,

Когда в полях чужих он гордо погибал?

Вы потрясали власть избранную как бремя,

□□□Точили в темноте кинжал!

Среди последних битв, отчаянных усилий,

В испуге не поняв позора своего,

□□Как женщина, ему вы изменили,

□□И, как рабы, вы предали его!

□□Лишенный прав и места гражданина,

Разбитый свой венец он снял и бросил сам,

И вам оставил он в залог родного сына –

□□□Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,

Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
□□□ Забытый, он угас один –
□□□ Один, замучен мщением бесплодным,
□□□ Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
□□□ Зарыт наемною рукой...
* * *

Но годы протекли, и ветренное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
□□□ Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся и бегут
□□□ И в пышный гроб, среди столицы шумной,
□□□ Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
□□□ Толпа, дрожавшая пред ним.
* * *

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
□□□ Нарушена святая тишина
□□□ Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет – спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
□□□ Какое в нем негодование
□□□ При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
□□□ Как он великий, океан!
«Из-под таинственной холодной полумаски...»
Из-под таинственной холодной полумаски*
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбались лукавые уста.
Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шею белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..
И создал я тогда в моем воображеньи
По легким признакам красавицу мою:
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.
И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.
В альбом автору «Курдюковой»*
На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею, –
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.
А. А. Углицкой*
Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;

Меж тем, же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez мадам. [6]
Из альбома С. Н. Карамзиной*
Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
и оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,
Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...
Графине Ростопчиной*
Я верю: под одной звездю
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурю страстей,
я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...
Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный,
И ласки вечные свои.
Договор*
Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.
Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в весельи шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.
Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.
В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разоидемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.
«Прощай, немытая Россия...»*

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей. [7]

Утес*

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор*

Как-то раз перед толпою
□Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою [8]
□Был великий спор.
«Берегись! – сказал Казбеку
□Седовласый Шат, –
Покорился человеку
□Ты не даром, брат!
Он настроит дымных келий
□По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
□Загремит топор;
И железная лопата
□В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
□Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
□Через те скалы,
Где носились лишь туманы
□Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
□Первый был скачок,
Берегись! многолюден
□И могуч Восток!»
– Не боюсь я Востока! –
□Отвечал Казбек, –
Род людской там спит глубоко
□Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
□Пену сладких вин
На узорные шальвары
□Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
□На цветной диван,
У жемчужного фонтана
□Дремлет Тегеран.
Вот – у ног Ерусалима,
□Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
□Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
□Моеет желтый Нил
Раскаленные ступени
□Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
□Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
□Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
□Спит, покой ценя...

Нет! не дряхлому Востоку
□Покорить меня! –
«Не хвались еще заране! –
□Молвил старый Шат, –
Вот на севере в тумане
□Что-то видно, брат!»
Тайно был Казбек огромный
□Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
□Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
□Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
□Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
□До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
□Двигутся полки;
Веют белые султаны
□Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
□Подымая пыль;
Боевые батальоны
□Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
□В барабаны бьют;
Батареи медным строем
□Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
□Фитили горят.
И испытанный трудами
□Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
□Генерал седой.
Идут все полки могучи,
□Шумны как поток,
Страшно-медленны как тучи,
□Прямо на восток.
И томим зловещей думой,
□Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый –
□И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
□Племя гор своих,
Шапку[9] на брови надвинул –
□И навек затих.
Сон («в полдневный жар в долине Дагестана...»)*
В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладящей струей.
L'attente*

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! – trompeuse espérance –
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.
Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.
Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.[10]
«Лилейной рукой поправляя...»*

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет как дева младая
Капгар, молодой туксус.
. . .

«На бурке под тенью чинары...»*

1
На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши татары
Стояли молча пред ним.

2
И, брови нахмутив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3
. . .
«Они любили друг друга так долго и нежно...»*
Sie liebten sich beide, doch keiner

wollt' es dem andern gestehn.

Heine.[11]

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но как враги избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.
Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

Тамара*
В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.
И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.
И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеисильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.
На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.
Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.
Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.
Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;
И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.
И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.
Свиданье*

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старую
На сумрачной горе
Под свежую чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;

Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополию высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любитесь
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

Листок*

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.
У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.
И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: я бедный листочек дубовый,

До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.
На что мне тебя? отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, – и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.
Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.
«Выхожу один я на дорогу...»*

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

Морская царевна*

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»
Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.
Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»
Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.
Вышла младая потом голова;
В косу вплелась морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.
Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.
Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.
К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.
«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...
Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»
Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.
Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;
Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.
Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...
Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!
Пророк*

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;
Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»*

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.
Стихотворения разных годов

Крест на скале*

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.
И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.
О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия
И с бурей братом назвался бы я!
Черные очи*

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,

Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.
Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.
Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!
К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою...»)*
Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; – но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;
И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!
Гость (Быль)*
(Посвящается ***)

Кларису юноша любил,
□ Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
□ А сердце – лучший клад.
Уж громкий колокол гудёт,
И в церкви поп с венцами ждет.
И вдруг раздался крик войны,
□ Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны –
□ И ноги в стремяна!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.
«Клянись, что вечно, – молвил он, –
□ Мне не изменишь ты! –
Пускай холодной смерти сон,
□ О, дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»
Клариса клятву говорит,
□ Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
□ На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой –
С тобою в храм и в гроб с тобой!»
– Итак, прости! жалею меня:
□ Печален мой удел! –
Калмар садится на коня,
□ И вихрем полетел...
Дни мчатся... снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...
Вот и весна явилась вновь,
□ И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
□, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
□Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
□Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.
На нем шело избит в боях,
□Под хладной сталью лик,
И плаш, изорван на плечах,
□И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним..
«Что гость любезный наш не пьет, –
□Клариса вдруг к нему, –
И что он нить не перервет
□Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»
Не стон, не вздох он испустил –
□Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
□Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! – открыл пришлец
Лицо свое: то был мертвец.
Трепещут все, спасенья нет,
□Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, – сказал скелет, –
□Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!
Калмар твой пал на битве – там,
□В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
□Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.
В том доме каждый круглый год
□Две тени, говорят,
(Когда меж звезд луна бредет,
□И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..
«Non, si j'en crois mon esperance...»*
Non, si j'en crois mon espérance
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.[12]
Н. Н. Арсеньеву*

Дай бог, чтоб ты не соблазняясь
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка,
Для головы и сердца – яд!
«Опять, народные витии...»*
1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы

На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

<4>

Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!

. . .

<5>

Но честь России невредима.
И вам смеясь внимает свет...
Так в дни воинственных Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.
«Когда надежде недоступный...»*
Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлось моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» он вещал;
«Ты жить устал? – но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь как другие хладнокровен,
Будь как другие терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».
«Ах! ныне я не тот совсем...»*
Ах! ныне я не тот совсем,

Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явились морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье –
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полнотной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..

. . .
Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

. . .
«Он был в краю святом...»*

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Исекли сарацины.
Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.
Неверных он громил
Обеими руками –
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.
Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.
Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит – детей содом,
Жена его брюхата.
Пришибло старика...

«Никто моим словам не внемлет... я один...»*

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. – Я полон весь мечтами,
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!
«Мое грядущее в тумане...»*

Мое грядущее в тумане
Было полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу
Ты будешь славен меж людей!..
И я словам его поверил,
И полный волею страстей
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.
Тогда для поприща готовый
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

«Это случилось в последние годы могучего Рима...»*
Это случилось в последние годы могучего Рима,
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревушим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, – с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую.. – «Вот уж два дня и две ночи, –
Так она говорила, – мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе хладном,
Золото сыплем жрецам их и плачем, – но всё бесполезно!
Если бы знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой осторожно, тропинкой
К Тибру спускалась она за водою.. иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась;
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;
Из дому стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила.. При свете
Поздней лампы я видела раз, как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась, – кому? – неизвестно!
Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...», I*
Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере – в стране тебе чужой
Я сердцем твой – всегда и всюду твой.
Еще ребенком, робкими шагами

Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был – товарищ их воздушный.
С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенья бед,
И дружно я на дружный зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.
«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...», II*
Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный – [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою].
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.
«Не плачь, не плачь, мое дитя...»*
Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрее огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!
Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, –
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил –
Но слез твоих он не оценит!
«Quand je te vois sourire...»*
Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!
'Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.
Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!.. [13]

Приложения

Приложение I

Песня («Что в поле за пыль пылит...»)*

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело гусей пасти,
А второе дело бел кужель прясти,
А третье дело дитя качать.
И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитяtko,
Ты по батюшке злой татарченoк,
А по матушке родной внученoк,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны, сколько надобно.
Жемчугу да злата – серебра.
Ах ты милое моя дитяtko,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь;
Не слышать здесь петья церковного,
Не слышать звону колокольного.
Приложение II. Переводы

Мрак. Тьма*

Я видел сон, который не совсем был сон. Блестящее солнце потухло, и звезды темные блуждали по беспредельному пространству, без пути, без лучей; и оледенелая земля плавала слепая и черная в безлунном воздухе. Утро пришло и ушло – и опять пришло и не принесло дня; люди забыли о своих страстях в страхе и отчаянии; и все сердца охладели в одной молитве о свете; люди жили при огнях, и престолы, дворцы венценосных царей, хижины, жилища всех населенцев мира истлели вместо маяков; города развалились в пепел, и люди толпились вокруг домов горящих, чтоб еще раз посмотреть друг на друга; счастливы были жившие противу вулканов, сих горных факелов; одна боязненная надежда поддерживала мир; леса были зажжены – но час за часом они падали и гибли, и треща гасли пни – и всё было мрачно.

Чела людей при отчаянном свете имели вид чего-то неземного, когда случайно иногда искры на них упали. Иные ложились на землю, и закрывали глаза и плакали; иные положили бороду на сложенные руки и улыбались; а другие толпились туда и сюда, и поддерживали в погребальных кострах пламя, и с безумным беспокойством устремляли очи на печальное небо, подобно савану одевшее мертвый мир; и потом с проклятьями снова обращали их на пыльную землю, и скрежетали зубами и выли; и птицы кидали пронзительные крики и металась по поверхности земли, и били тщетными крылами; лютейшие звери сделались смиренны и боязливы; и змеи ползая увивались между толпы, шипели, но не уязвляли – их убивали на съеденье люди; и война, уснувшая на миг, с новой силой возобновилась; пища покушалась кровью, и каждый печально и одиноко сидел, насыщаясь в темноте; не оставалось любви; вся земля имела одну мысль – это смерть близкая и бесславная; судороги голода завладели утробами, люди умирали, и мясо и кости их непогребенные валялись; тощие были съедены тощими, псы нападали даже на своих хозяев, все кроме одного, и он был верен его трупу, и отгонял с лаем птиц и зверей и людей голодных, пока голод не изнурял или новый труп не привлекал их алчность; он сам не искал пищи, но с жалобным и протяжным воем и с пронзительным лаем лизал руку, не отвечающую его ласке – и умер. Толпа постепенно редела; лишь

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
двое из обширного города остались вживе – и это были враги; они встретились у пепла алтаря, где грудой лежали оскверненные церковные утвари; они разгребали и дрожжа подымали хладными сухими руками теплый пепел, и слабое дыханье немного продолжалось и произвело как бы насмешливый чуть видный огонек; тогда они подняли глаза при большем свете и увидели друг друга – увидели, и издали вопль и умерли, от собственного их безобразия они умерли, не зная, на чьем лице голод начертал: враг. Мир был пуст, многолюдный и могущий сделался громадой безвременной, бестравной, безлесной, безлюдной, безжизненной, громадой мертвой, хаосом, глыбой праха; реки, озера, океан были недвижны, и ничего не ворочалось в их молчаливой глубине; корабли без пловцов лежали гния в море, и их мачты падали кусками; падая засыпали на гладкой поверхности; скончались волны; легли в гроб приливы, луна царица их умерла прежде; истлели ветры в стоячем воздухе, и облака погибли; мрак не имел более нужды в их помощи – он был повсеместен.

The Giaour[14]*

Нет легкого дуновения воздуха, рассекающего волну, которая катится под могилою афинян; сей блестящий гроб на крутой, навислой скале первый приветствует возвращающуюся домой ладью; он высоко господствует над страню, тщетно им спасенною, – когда снова увидит такого героя?..

* * *

Прекрасный климат! где каждое время года улыбается над сими благословенными островами, кои, видные издалека, с высоты колонны, радуют сердце восхитительной картиной и представляют убежище уединенью. Там нежно рябится ланита океана, отражая краски многих утесов, пойманные смеющимися приливами, которые омывают этот восточный Эдем,

И если иногда мгновенный зефир взволнует голубой кристалл моря или сметет цвет с дерева, да будет благословен милый ветерок, пробудивший и разнесший здесь благоухание.

Ибо здесь – роза, на скале или в долине, любовница соловья, дева, для которой его звуки, тысячи его песней слышны в высоте, цветет, краснея от рассказов соловья: его царица, царица садов, его роза, не сгибаемая ветрами, не оледеняемая снегами, далеко от зимы западной, благословляемая каждым временем года и каждым зефиром, подарок природы – аромат отдает небу в сладчайшем благоухании. Она признательно возвращает и лучшие свои цветы улыбающемуся небу, с благовонным вздохом.

И много здесь летних цветов, и много тени, которую любовь желала бы разделить, и многие есть пещеры, манящие к отдохновенью, которые служат вертепом для разбойника, коего ладья, пристав к скрытой здесь гавани, ждет мирного корабля, пока не услышит гитару веселого моряка, пока не увидит вечернюю звезду. Тогда, укрываясь с своим веслом под тенью скалистого берега, кидается ночной грабитель на добычу свою и переменяет песни с гитарой на отчаянные крики. Странно, что где природа создала жилище достойное богов, и смешала, истощила всё прекрасное в этом раю, здесь человек, живущий разрушением, хочет обращать его в дикую пустыню и попирает, подобно бессловесному животному, каждый цветок, который не стоит ниже часа трудов и не требует помощи ничьей руки, дабы расстлаться в волшебной стране сей, но выходит, растет, отвергая всякое старание, и только молит, чтоб его пощадили.

Странно, что где господствует тишина, там страсти беспредельны в гордости своей, и жадность, и хищность дико бушуют, дабы помрачить прелестную землю. Это как будто злые духи взяли верх над ангелами и укрепили на небесных престолах освобожденного наследника ада; так прекрасна страна, созданная для удовольствия, и так ненавистны тираны, разрушающие его. . . . .

О страна незабвенных героев! которая от долины до горных пещер была жилищем свободы или могилою славы. Храм могущих! ужели это всё, что остается от тебя? Приблизься, пресмыкающийся невольник; скажи, не это ли Термопилы? Эти синие воды, плещущие кругом, скажи, поработенный потомок свободного, скажи, какое это море, какой берег? – это залив, это скала Саламины!.. восстаньте, вспомните прошедшее и возобновите его; исторгните из праха отцов ваших искры огня, коим некогда они пламенели.

И тот, кто погибнет в битве, к их именам прибавит свое страшное имя, коего будут трепетать тираны; он оставит потомкам надежду, знаменитость; и они прежде умрут,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
нежели посрамят ее: ибо, если война за свободу уже началась, она передается кровью от отца к сыну, и если иногда неуспешно, то всегда под конец торжествует. Этому свидетель ты, Греция, про которую доказывают о бессмертных столетях многие живые страницы! Тогда как цари, скрытые в пыльном мраке, оставили одни безымянные пирамиды, твои герои, хотя общим приговором сняты колонны на их могилах, имеют лучшие памятники: горы высокие отечества их!.. Здесь показывает муза могилы тех очам странника, кои не могут умереть. Долго и печально было бы рассказывать каждый шаг Греции от величия к бедственности; довольно – никакой чуждый враг не мог ослабить духа твоего, пока сам он не упал; так собственное унижение открыло путь ненавистным цепям и скипетру деспотов.

Что расскажет нам тот, кто попирает твой брег? Ни песни старинной, ничего, чем может заняться муза, ничего столь высокого как прежде, когда человек был достоин сего климата. Сердца, рожденные в твоих долинах, буйные души, кои могли бы вест твоих сынов к великим подвигам, теперь пресмыкаются от колыбели до могилы, рабы – нет, рабы раба, безжизненные везде, кроме в преступленье; оскверненные всеми бедствиями рода человеческого, где он менее всего возвышается над тварею бессловесной; даже не имея ни одной дикой добродетели, не имея в среде своей ни одной храброй и свободной груди. Еще теперь у соседних пристаней они слывят лукавыми, и взошли в пословицу; в этом только хитрый грек найден, и этим, лишь этим, известен. Напрасно свобода стала бы призывать ум, дабы свергнуть иго с шеи, которое льстит ему; я больше не сожалею о их несчастьи, однако я расскажу вам печальную повесть, и внимающие мне могут поверить, что тот, кто слушал ее в первый раз, имел право грустить.

* * *

Торопливо приближался он, и быстрота его бега привлекала мой удивленный взор; хотя, как ночной демон, он пробежал и скрылся от меня, его вид, выражение лица его оставили навсегда смутное воспоминанье в груди моей, и еще долго после, в моем страхе пораженном слухе раздавался топот ног черного его коня. Он жмет ногами коня; он приближается к крутому утесу, выдававшемуся от берега и бросающему тень на поверхность моря; он минует и низвергается за скалу, которая освобождает его от очей моих; неуместен взор, преследующий беглеца, и хотя нет ни одной звезды на небе, но всё для него светло кажется.

Он скрылся; но прежде кинул взгляд, который казался его последним, на минуту удержал беспокойного своего коня, на минуту дал ему отдохнуть, на минуту привстал на стременах – для чего смотрит он в оливную рощу? Полумесяц встает над холмом; лампы в мечетях погасая трепещут.

Naoleon's Farewell [15]*

1

Прости! о край, где тень моей славы восстала и покрыла землю своим именем – он покидает меня теперь, но страница его истории, самая мрачная или блестящая, наполнена моими подвигами. Я воевал с целым светом, который победил меня только тогда, когда метеор завоеваний заманил меня слишком далёко; я противился народам, которые боялись меня оставленного, последнего, единственного пленника из миллионов бывших на войне.

2

Прости, Франция! – когда твой венец короновал меня, я сделал тебя алмазом, дивом и красю земли. Но твоя слабость повелевает, чтоб я тебя оставил как нашел, увядшую славой и упавшую своим именем; ибо сердца старых бойцов моих были приведены в отчаянье нападением бури и непогоды, хотя сражения были выиграны, и орел, коего взор померкнул, мог бы снова подняться, встретив солнце победы.

3

Итак, прости же, Франция! – но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мне – фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих; хотя она увяла, слезы твои могут воскресить ее – я могу еще смешать неприятелей, нас окружающих, и твоя душа еще может внять голосу моему, в цепи, которая нас оковала, еще есть кольца, могущие разорваться, тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

Верро [16]*

Известно, по крайней мере должно бы было быть известно, что во всех странах католического исповедания несколько недель до поста народ веселится и празднует сколько хочет; покупают раскаяние перед тем, чтобы сделаться богомольными,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
какого бы высокого или низкого состояния ни были, пируют, играют, пляшут, пьют,
маскируются, и употребляют всё, что можно получить попросивши.

С немецкого*

Я проводил тебя со слезами; но ты удалилась чужда сожалений и слез.

Где долго ожидаемый день, столько радости мне обещавший? – погиб он! – но я не раскаялся в том, в чем тебе поклялся.

И если б могла ты понять и измерить страдания мои, то вечно бы ты не забыла того, кто тебя никогда не забывал.

Тогда бы заплакала ты, и тот миг воскресил бы опять охладевшее мое счастье.

Мое сердце, отвергнутое тобою, мой ангел! всё-таки тебе принадлежит; но сердце, тобою любимое, не будет так постоянно.

Приложение III. Стихотворения, приписываемые Лермонтову
Экспромт*

Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре!

«Хвала тебе, приют лентяев...»*

Хвала тебе, приют лентяев,

Хвала, ученья дивный храм,

Где цвел наш бурный Полежаев

На зло завистливым властям.

Хвала и вам, студенты-братья..

«И на театре, как на сцене света...»*

И на театре, как на сцене света,

Мы не выходим из балета:

Захочется ль кому

К честям и званиям пробить себе дорогу.

Работы нет его уму –

Умей он поднимать лишь ногу.

Югельский барон (Баллада)*

(Ал. М. В-ой)

До рассвета поднявшись, перо очинил

Знаменитый Югельский барон,

И кусал он, и рвал, и писал, и строчил

Письмецо к своей Сашеньке он,

И он крикнул: «Мой паж!.. мой малютка!.. скорей!..

Подойди!.. что робеешь ты так!»

И к нему подошел долговязый лакей,

Тридцатипятилетний дурак.

«Вот!.. возьми письмецо ты к невесте моей

И на почту его отнеси!

И потом пирогов, сухарей, кренделей,

Чего хочешь, в награду проси!»

– «Сухарей не хочу, и письма не возьму,

Хоть расплачься, высокий барон,

А захочешь узнать, я скажу почему,

Нет!.. уж лучше смолчать», – и поклон.

«Паж!.. хочу я узнать!..» – «Нет!.. позволь мне

смолчать!..»

– «Говори!» – «За невестой твоей

Обожателей рать кто бы мог сосчитать?

И в разлуке ты вверился ей!

Не девица ль она?.. и одна ли верна?

Нам ли думать: на Севере, там,

Всё вздыхает она, одинока, бледна;

Нам ли веровать женским словам?

Иль один оболещен, изумлен, увлечен

Ты невестою милой своей?

Нет!.. высокий барон, ты порой мне смешон,

И письма не отправлю я к ней!»

Рассмеялся барон – так уверен был он.

«Ты малютка, мой паж молодой!

Знай!.. ты сам ослеплен! Знай! у северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; – Ей, как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!.. снегов в стороне, будет верною мне!
Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!
«Когда легковверен и молод я был...»*
Когда легковверен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света не взвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.

Мой раб, вечером, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту принес самовар.
Экспромты 1841 года
«Очарователен кавказский наш Монако!..»*
Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам – клопы.

«В игре, как лев, силен...»*

В игре, как лев, силен

Наш Пушкин лев,
Бьет короля бубен,
Бьет даму треф.
Но пусть всех королей

И дам он бьет:

«Ва-банк!» – и туз червей

Мой – банк сорвет!

«Милый Глебов...»*

Милый Глебов,
Сродник Фебов,

Улыбнись,

Но на Наде,

Христа ради,

Не женись!

«Скинь бешмет свой, друг Мартыш...»*

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,

Распояшься, сбрось кинжалы,

Вздень броню, возьми бердыш

И блюди нас, как хожалый!

«Смело в пире жизни надо...»*

Смело в пире жизни надо

Пить фиал свой до конца.

Но лишь в битве смерть – награда,

Не под стулом, для бойца.

«Велик князь Ксандр и тонок, гибок он...»*

Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,

Как колос молодой,

Луной сребристой ярко освещен,

Но без зерна – пустой.

«Наш князь Васильчиков...»*

Наш князь Василь –

чиков – по батюшке,

Шеф простофиль,

Глупцов – по дядюшке,

Идя в кадрили

Шутов – по зятюшке,

В речь вводит стиль
Донцов – по матушке.
«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...»*
Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.
«С лишком месяц у Мерлини...»*
С лишком месяц у Мерлини
Разговор велся один:
Что творится у княгини,
Здрав ли верный паладин.
Но с неделю у Мерлини
Перемена – речь не та,
И вокруг имени княгини
Обвилась клевета.
Пьер обедал у Мерлини,
Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
Вышла ссора за Каррас.
Пьер отрекся... и Мерлини,
Как тигрица, взбешена,
В замке храброй героини,
Как пред штурмом, тишина.
«Он метил в умники, попался в дураки...»*
Он метил в умники, попался в дураки,
Ну, стоило ли ехать для того с Оки!
«Зачем, о счастья мечтая...»*
Зачем, о счастья мечтая,
Ее зовем мы: гурия?
Она, как дева, – дева рая,
Как женщина же – фурия.
«Мои друзья вчерашние – враги...»*
Мои друзья вчерашние – враги,
□□□□Враги – мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...
Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
Подошвой сапога.
«Им жизнь нужна моя...»*
Им жизнь нужна моя, – ну, что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут –
Клуб ядовитых змей.
«Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...»*
Ну, вот теперь у вас для разговоров будет
Дня на три тема,
И, верно, в вас к себе участие возбудит
Не Миллер – Эмма.
«Куда, седой прелюбодей...»*
Куда, седой прелюбодей,
Стремись своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!
«За девицей Emilie...»*
За девицей Emilie[17]
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine[18]
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий человек.
«Надежда Петровна...»*

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.

C'est un vers qui cloche. [19]

«Поверю совести присяжного дьяка...»*

Поверю совести присяжного дьяка,
Поверю доктору, жиду и лицемеру,
Поверю наконец я чести игрока,
Но клятве женской не поверю.
«Винтовка пулю верную послала...»*
Винтовка пулю верную послала,
Свинцовая запела и пошла.
Она на грудь несчастливца упала
И глубоко в нее вошла.
И забаякала ее, и заласкала,
Без просыпа, без мук страдальцу сон свела,
И возвратила то, что женщина отняла,
Что свадьба глупая взяла...

«Приветствую тебя я, злое море...»*

1

Приветствую тебя я, злое море,
Широкое, глубокое для дум!
Стою и слушаю: всё тот же шум
И вой валов в твоём просторе,
Всё та же грусть в их грустном разговоре.

2

Не изменилось ни в чём ты, злое море,
Но изменился я, но я уж не такой!
С тех пор, как в первый раз твои буруны-горы
Увидел я, – припомнил север свой.
Припомнил я другое злое море,
И край другой, и край другой!..

Комментарии

СТИХОТВОРЕНИЯ

1832

«Люблю я цепи синих гор» (стр. 7, 257)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17–17 об. Другой автограф – ЛБ, М., 8490, 2 (это отдельный листок, на одной стороне которого написаны 11 стихов, от стиха 12 осталось только окончание слова: <небо>склон. На обороте – стихи 28–37, от стиха 38 осталось только: <скло>нив она. Возможно, что этот автограф является более поздним, но он неполный).

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 57–58).

Датируется 1832 годом, так как помещено в тетради IV сразу же после новогодних мадригалов, которые написаны в конце 1831 года,

Солнце (стр. 9, 257)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17 об. Впервые опубликовано (с пропуском стиха 3) в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

«Я счастлив! – тайный яд течет в моей крови» (стр. 10, 257)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17 об.

Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой», стр. 11, 258)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 17 об. – 18.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 62–63).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

«Она была прекрасна, как мечта» (стр. 13, 258)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18.

Впервые опубликовано (с искажениями и с присоединением строфы V стихотворения «Девятый час; уж темно») в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 26).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению Н. Ф. И... вой, 1830, т. 1, стр. 397).

Стихи 1–8 в несколько измененном виде перенесены в строфу IV стихотворения «Девятый час; уж темно», 1832.

«Время сердцу быть в покое» (стр. 14, 258)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд 1, стр. 58) без стихов 21–28.

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено, видимо, к Н. Ф. Ивановой (см. о ней в примечании к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397).

Первые шесть стихов являются вольным подражанием началу стихотворения Байрона 1824 года «On this day I complete my thirtysixth year». («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет»).

Стихи 19–20 повторены Лермонтовым в стихотворении «К *» («Я не унижусь пред тобою»), 1832 (см. стихи 31–32, стр. 22).

«Склонись ко мне, красавец молодой» (стр. 16, 259)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 19. Имеется авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 43 об. – 44. Здесь стих 30 отсутствовал и был вписан рукой Лермонтова позже, очевидно, по памяти.

Впервые опубликовано частично в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 58–59), полностью в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 24–25).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

«Девятый час; уж темно; близ заставы» (стр. 18, 259)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 19 об–20.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 63–64).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Ср. строфы IV и VI со стихотворением «Она была прекрасна, как мечта», 1832 (стр. 13) и стихотворением «Склонись ко мне, красавец молодой», 1832, строфа 3 (стр. 16–17).

«Как в ночь звезды падучей пламень» (стр. 20, 260)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 20.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 59).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

К * («Я не унижусь пред тобою», стр. 21, 260)

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 20 об. – 21. Копия
– ИРЛИ. оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 44 об.

Впервые опубликовано с пропуском стихов 21–38 в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 59–60), полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 68–70).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV. Это прощальное обращение к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830, т. I, стр. 397).

Стихи 31–32 повторяют стихи 19–20 стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832 (см. настоящий том, стр. 14).

<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье», стр. 23)
Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), лл. 38 об. – 39. Под текстом стихотворения той же рукой поставлена дата («1832 г.») и сделана подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме.

В этом стихотворении говорится о кратком свидании, которое произошло, очевидно, после того, как стихотворение «Я не унижусь пред тобою» (о нем Лермонтов упоминает здесь в строке «И стих безумный, стих прощальный») в альбом Ивановой было уже вписано (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть», стр. 24)
Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 38. Под текстом стихотворения той же рукой поставлены дата («1832 г.») и подпись («М. Ю. Лермонтов»).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57).

Датируется 1832 годом на основании пометы в альбоме.

Стихотворение обращено к Дарье Федоровне Ивановой, дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, сестре Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И...вой», 1830, т. I, стр. 397).

«Как луч зари, как розы Леля» (стр. 25, 261)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. I, стр. 397).

«Синие горы Кавказа, приветствую вас» (стр. 26, 261)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21–21 об. Третий абзац («Как я любил твои бури ~ всё в этом крае прекрасно») в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано (с пропусками) в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 60–61). Здесь (и в позднейших изданиях) последний абзац ошибочно разбит на стихотворные строки.

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. В нем отразились воспоминания Лермонтова о его пребывании на Кавказе в годы детства.

фраза «Воздух там чист, как молитва ребенка» в несколько измененном виде («Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка») включена в роман «Герой нашего времени» («Княжна Мери», запись 11 мая, см. настоящее издание, т. 6). Первый отрывок близок по теме и образам к началу поэмы «Измаил-бей».

Романс («Стояла серая скала на берегу морском», стр. 28, 262)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 21 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397). Тема этого стихотворения представляет собой разработку образа, заключающегося в последней строфе стихотворения «Время сердцу быть в покое», 1832 (стр. 15).

Прелестнице (стр. 29, 262)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45.
Черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22.

Впервые опубликовано (без первых двух стихов и с частичными заимствованиями из чернового автографа) в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 61–62).

Датируется 1832 годом по положению чернового автографа в тетради IV.

Стихотворение «Договор». 1841 (стр. 190), представляет собой в первых трех строфах переработку данного стихотворения.

«Ты молод. Цвет твоих кудрей» (стр. 30, 263)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45–45 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова», стр. 31, 264)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Написано по поводу смерти отца – Ю. П. Лермонтова (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына», 1831, т. I, стр. 426).

«Измученный тоскою и недугом» (стр. 32, 264)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 60).

Датируется 1832 годом по положению в тетради IV.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397).

«Нет, я не Байрон, я другой» (стр. 33, 264)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 45 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 12).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX вслед за копиями стихотворений «Ты молод» и «К *» («Я не унижусь пред тобою»), написанными в этом

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
году (автографы их находятся в тетради IV).

В стихотворении Лермонтов подчеркивает национальное своеобразие своего творчества (ср. со стихотворением «К ***» – «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья», 1830, т. 1, стр. 133).

Романс («Ты идешь на поле битвы», стр. 34)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 45 об. – 46.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Сонет (стр. 36)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 46.

Автограф не известен..

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 21).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397).

«Болезнь в груди моей и нет мне исцеленья» (стр. 37)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 46 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. 1, стр. 17–18).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397).

К * («Мы случайно сведены судьбою», стр. 38)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 46 об. – 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 21–22).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Стихотворение, возможно, обращено к В. А. Лопухиной (ср. стих 10 со стихом «Товарищ бурь моих суровых» из чернового автографа посвящения к поэме «Измаил-бей», 1832).

«Поцелуями прежде считал» (стр. 39)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 93).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

«Послушай, быть может, когда мы покинем» (стр. 40)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. 1, стр. 22).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * («Оставь напрасные заботы», стр. 41)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 26 февраля, № 43).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В этом стихотворении, обращенном к В. А. Лопухиной, Лермонтов говорит о своем прежнем чувстве к Н. Ф. Ивановой (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 480).

Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд», стр. 42, 264)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 47 об.

В автографе текст зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. I, стр. 10).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Reiter»: «Es ritten drei Reiter zum Thore hinaus, ade!» («Musikalischer Hausschatz der Deutschen von G. W. Fink», Leipzig, 1856, стр. 3).

Дальнейший текст стихотворения является оригинальным творчеством Лермонтова.

Бой (стр. 43)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 94–95) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 226).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

«Я жить хочу! хочу печали» (стр. 44)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано с письмом к С. А. Бахметевой (без стихов 9–12) в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 6).

Датируется июлем 1832 года, так как первые 8 стихов этого стихотворения процитированы в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа этого года после фразы: «Странная вещь, только месяц тому назад я писал» (см. настоящее издание, т. 6).

«Смело верь тому, что вечно» (стр. 45)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом, так как расположено в тетради XX рядом со стихотворением «Я жить хочу! хочу печали», частично приведенным в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от августа этого года.

«Приветствую тебя, воинственных славян» (стр. 46)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано (без двух последних стихов) в «Современнике» (1857, т. 65, № 10, отд. I, стр. 190).

Написано в августе 1832 года в Новгороде, проездом из Москвы в Петербург.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Тема древней новгородской вольности была популярна у писателей-декабристов, видевших в вечевом строе национальную форму русского народного правления.

У Лермонтова эта же тема развивается в стихотворении «Новгород», (1830, т. 1, стр. 169) и в поэме «Последний сын вольности» (1831. настоящее издание, т. 3).

Желанье («Отворите мне темницу», стр. 47, 264)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Имеется автограф, состоящий только из первых 8 стихов, – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об. Копия, сделанная рукой С. А. Раевского, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 42 об. Другая копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 9 (сделана по альбому А. М. Верещагиной).

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1841, т. 19, № 11, отд. III, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

В 1837 году Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Узник», стр. 89).

К * («Мой друг, напрасное старанье», стр. 49)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 48 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128–129).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

К * («Печаль в моих песнях, но что за нужда», стр. 50, 265)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Два великана (стр. 51, 265)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 6 об. Первоначальный автограф с поправками – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49. Авторизованная копия, сделанная рукой С. А. Раевского, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь автографов Чертковской библиотеки), л. 42.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1842, т. 22, № 5, отд. I, стр. 1–2).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Написано, видимо, в связи с 20-летием Отечественной войны 1812 года: Лермонтов изобразил поражение Наполеона и его ссылку на остров св. Елены.

Мысль, выраженная в строфах III и IV стихотворения «Два великана», повторена Лермонтовым позже в строфе VII главы I поэмы «Сашка» (см. настоящее издание, т. 4).

К * («Прости! – мы не встретимся боле», стр. 52, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, т. 1, стр. 397).

Ср. стихи 9–11 со стихами 1–4 стихотворения «Есть речи – значенье», 1840 (стр. 144).

«Слова разлуки повторяя» (стр. 54, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX)» л. 49 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

«Безумец я! вы правы, правы!» (стр. 55, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 50.

Первоначальное заглавие в автографе: «Толпе».

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

«Она не гордой красотою» (стр. 56, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 50.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по положению в тетради XX.

Обращено к В. А. Лопухиной. В стихотворении, повидимому, дана сравнительная характеристика Н. Ф. Ивановой и В. А. Лопухиной.

«Примите дивное посланье» (стр. 57, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года).

Впервые опубликовано полностью в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 402–403).

Датируется августом 1832 года, так как этим стихотворением начинается упомянутое выше письмо Лермонтова к С. А. Бахметевой.

Павел, который должен был передать послание, – родственник Лермонтова по его бабушке Е. А. Арсеньевой (сын ее сестры), Павел Александрович Евреинов.

В стихотворении есть элементы политической сатиры («куда ни взглянешь, красный ворот...»); намек на полицейский режим в николаевской России имеет общие черты со стихотворением «Прощай, немытая Россия», 1841 (стр. 191).

Челнок («По произволу дивной власти», стр. 58, 266)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об.
Первоначальный автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 24 (письмо к С. А. Бахметевой от августа 1832 года), впервые опубликован в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 3, стр. 403). Копия, отличающаяся от автографов, – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (по альбому А. М. Верещагиной), л. 10.

Датируется августом 1832 года в связи с нахождением первоначального автографа в упомянутом выше письме к С. А. Бахметевой.

В обоих автографах слово «расшибенный» записано: «расчибенный».

«Что толку жить!.. Без приключений» (стр. 59, 267)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 11–11 об.
Другой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года), строфа 1 стихотворения здесь отсутствует, строфы 2 и 3 в несколько иной редакции.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 289).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

«Для чего я не родился» (стр. 61, 268)
Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 17 (письмо к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 года).

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863, № 3, стлб. 265–266).

Датируется 27 августа 1832 года, так как в упомянутом выше письме Лермонтов

ие сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
пишет, что написал это стихотворение накануне, наблюдая небольшое наводнение
(см. настоящее издание, т. 6).

Парус (стр. 62, 268)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 11 об.
Другой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 18 (письмо к М. А.
Лопухиной от 2 сентября 1832 года). Копия, совпадающая с автографом казанской
тетради, – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1841, т. 18, № 10, отд. III, стр. 161).

Датируется 1832 годом, не раньше первой половины августа и не позднее 2
сентября, так как включено в упомянутое выше письмо к М. А. Лопухиной.

Первый стих – «Белеет парус одинокий» – совпадает со стихом 19 строфы XV главы I
поэмы А. А. Бестужева–Марлинского «Андрей, князь Переяславский». Первая глава
этой поэмы вышла отдельным изданием (анонимно) в Москве в 1828 году, а в 1832
году стало известно имя автора.

В «Парусе» Лермонтова отразились настроения передовой русской интеллигенции 30-х
годов XIX века: художественные образы стихотворения символизировали протест
против политического гнета в России.

«Он был рожден для счастья, для надежд» (стр. 63, 268)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 19 (письмо к М.
А. Лопухиной от октября 1832 года). Первоначальный автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 21а
(казанская тетрадь), л. 12.

Впервые опубликовано вместе с письмом к М. А. Лопухиной в «Русск. архиве» (1863,
№ 4, стлб. 293).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

Первые пять стихов почти без изменений позже были перенесены в стихотворение
«Памяти А. И. О-доевско-го», 1839 (стр. 131). Следующие четыре стиха с
некоторыми изменениями вошли в стихотворение «Дума». 1838 (стр. 113).

Тростник (стр. 64, 269)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10. Копия
Хохрякова, содержащая ошибки, – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, лл.
26–27.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, 16 ноября, № 246).

Датируется 1832 годом по нахождению в казанской тетради.

В автографе стихотворение разделено на строфы (по 8 стихов в каждой). Бытует в
народе в качестве песни. С этого стихотворения начинается балладный цикл 1832
года, к которому относятся также «Русалка» и «Баллада» (стр. 66, 68).

Русалка (стр. 66, 269)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 49–51). Автограф
– ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 10 об. Копия, совпадающая с
автографом, – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1.

Впервые появилось в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 4, отд. III, стр. 131–132)
без даты.

Датируется 1832 годом по нахождению автографа в казанской тетради. В
«Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Белинский в своей статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) относил «Русалку»
к числу «чисто художественных стихотворений Лермонтова, в которых личность поэта
исчезает за роскошными видениями явлений жизни». По мнению критика, «эта пьеса
покрыта фантастическим колоритом, и по роскоши картин, богатству поэтических
образов, художественности отделки составляет собою один из драгоценнейших перлов
русской поэзии» (Белинский, 1903, т. 6, стр. 51).

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Баллада («Куда так проворно», стр. 68, 270)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 11 об. – 12. Копия, сделанная Хохряковым и совпадающая с автографом, – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, л. 23–24.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по находению в казанской тетради.

Гусар (стр. 70, 270)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (казанская тетрадь), л. 12 об. Копия Хохрякова, совпадающая с автографом (но стих 4 неполный), – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 64, л. 27 об. – 28. Копия по тетради И. А. Панафутина – ИРЛИ, оп. 2, № 42, л. 6 об.–8.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется 1832 годом по находению в казанской тетради.

1833

Юнкерская молитва (стр. 72, 271)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 68, л. 2.

Внизу листка дата – «1833». На обороте листка запись, сделанная рукой П. А. Висковатова, который свидетельствует, что текст стихотворения сохранился у А. П. Шан-Гирея.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без стихов 18–21 и с вариантами) в воспоминаниях А. Меринского в «Атенее» (1858, ч. 6, № 48, стр. 289).

Датируется 1833 годом на основании пометы на копии и содержания стихотворения.

«Алехин глас» – поэт имеет в виду Алексея Степановича Стунеева, преподавателя Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

В «Записках неизвестного гусара» (А. Ф. Тирана) упоминается о том, что в рукописном журнале «Школьная заря» в числе других произведений Лермонтова была помещена и «Юнкерская молитва». Тиран приводит текст ее, отличающийся от текста копии ИРЛИ и текста, опубликованного в «Атенее» («Звезда», 1936, № 5, стр. 184).

1833–1834

«На серебряные шпоры» (стр. 73, 271)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 22 (тетрадь XXI), л. 10 об.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, 1 января, № 1).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами – временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

«В рядах стояли безмолвной толпой» (стр. 74)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 4, № 85 («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Хохрякова), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 243).

Датируется на основании содержания 1833–1834 годами – временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. По мнению М. Ф. Николевой вызвано смертью юнкера Егора Сиверса, который умер 5 декабря 1833 г. (См. Соч. изд. «Библиотека поэта», Малая серия, т. 1, стр. 393–394). Написано по образцу стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

1836

Умиравший гладиатор (стр. 75, 272)

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано, без последних двух строк и с разночтением в стихе 8, в «Отеч. записках» (1842, т. 21, № 4, отд. I, стр. 378). Полностью – в газете «Русь» (1884, № 5, стр. 35–36).

В рукописи последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой. Под стихотворением находится дата: «2 февраля 1836 г.». Год и эпитафия к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Стихотворение, очевидно, было написано в Тарханах, где поэт находился с начала января до середины марта 1836 года.

Эпитафия к стихотворению взята из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа CX, стих 1. Начало стихотворения является свободным переложением строф CXXXIX–CXLI песни IV байроновской поэмы; при этом Лермонтов значительно усилил и углубил гражданские вольнолюбивые мотивы; конец (начиная со стиха 22) совершенно самостоятелен по теме и никак не связан с поэмой Байрона.

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!», стр. 77)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 61–62).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 80).

В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года датировано 1836 годом.

Стихотворение является вольным переводом «My soul is dark» – «Hebrew melodies» («Моя душа темна» «Еврейские мелодии». – Англ.) Байрона.

В альбом («Как одинокая гробница», стр. 78)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 63–64).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1839, т. 4, № 6, отд. III, стр. 81).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1836 годом.

Стихотворение является не вполне точным переводом «Lines written in an album at Malta» («Стихи, писанные в альбом, на Мальте». – Англ.) Байрона. К этому произведению Байрона Лермонтов уже обращался в 1830 году (см. стихотворение «В альбом», т. 1, стр. 96).

«Великий муж! Здесь нет награды» (стр. 79, 272)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 65.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 58).

Большая часть стихотворений, находящихся в тетради Чертковской библиотеки, относится к 1835–1837 годам. Данное стихотворение датируется предположительно 1836 годом.

Текст до нас дошел не полностью; верхняя часть листа, на которой было написано начало стихотворения и где, быть может, было названо имя «великого мужа», оторвана.

Высказывались два предположения, взаимно исключающие друг друга, что «великий муж» это или П. Я. Чаадаев (1793–1856; Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 167–169), или М. Б. Барклай де-Толли (1761–1818; И. Андроников. «Лермонтов», М., 1951, стр. 80). Однако и то и другое мнения не находят достаточно четкого подтверждения в тексте стихотворения. В последнее время выдвинуто предположение, что это произведение адресовано П. И. Пестелю или К. Ф. Рылееву («Лит. газета», 1951. № 145, 8 декабря, стр. 3).

1837

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Бородино (стр. 80)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 33–38).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Современнике» (1837, т. 6, стр. 207–211). В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

Цензурное разрешение на выпуск 6 тома «Современника» было получено 2 мая 1837 года, стихотворение же было написано Лермонтовым, видимо, в январе. Правда, С. А. Раевский в своем показании от 21 февраля 1837 года по поводу стихотворения «Смерть поэта» утверждал, что одновременно со стихами на смерть Пушкина было написано и «Бородино». Но, вероятнее всего, «Бородино» было написано еще до дуэли Пушкина, так как трудно предположить, что два столь различных по тону и настроению произведения могли быть созданы одновременно.

В 1837 году исполнялось 25 лет со времени Отечественной войны 1812 года. В связи с этим Лермонтов обращается к одному из наиболее драматических и важных моментов этой войны – к Бородинскому сражению, которому еще в 1831 году посвятил стихотворение «Поле Бородина». На основе этого юношеского произведения Лермонтов создает теперь глубоко народное по форме и содержанию «Бородино». В этом стихотворении отразились размышления поэта о роли народа в великом событии национальной истории, о прошлом и настоящем России. Белинский писал, что основная идея «Бородино» – «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел... Это стихотворение отличается простотой, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен я полон поэзии» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 23).

Смерть Поэта (стр. 84, 272)

Стихи 1–56 печатаются по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 8 (из архива В. Ф. Одоевского). В автографе ГПБ помета рукой Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано». Имеется черновой автограф этих стихов – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), лл. 67–68. Стихи 57–72 печатаются по копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским» – ИРЛИ, оп. 3, № 9, лл. 17–18. Автограф ст. 21–33 в письме А. И. Тургеневу (ЦГЛА); см. т. 6.

Автограф последних 16 стихов не известен.

Стихи 58 и 65 исправляются по показаниям А. Меринского в письме к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 года (ИРЛИ, оп. 4, № 25, лл. 134–135); Меринский сообщает, что он посетил Лермонтова в тот день, когда были написаны дополнительно 16 стихов, и тогда же списал их с автографа. (Так же, как у Меринского, эти строки читаются и во многих дошедших до нас списках стихотворения).

Впервые опубликовано под заглавием «На смерть Пушкина» в «Полярной звезде» на 1856 год (Лондон, 1858, кн. 2, стр. 33–35). В России без последних 16 стихов было помещено в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 635–636), полностью – в Соч. под ред. Дудышкина (т. 1, 1860, стр. 61–63).

Стих 66 в некоторых изданиях печатался неверно: «Есть грозный судия: он ждет». Это чтение было введено впервые в 1873 году П. А. Ефремовым со ссылкой на Меринского. Однако, в вышеуказанном письме Меринского, сообщившего поправки по автографу к тексту предыдущего издания, этот стих оставлен без изменения.

Для того, чтобы установить наиболее достоверный текст дополнительных 16 стихов, при подготовке настоящего издания были обследованы все доступные списки стихотворения «Смерть поэта». [20] Из 23 имеющихся копий семь относятся к 1837 году, причем две из них датированы февралем и мартом 1837 года. Во всех этих копиях, при наличии отдельных разночтений, стих 66 неизменно читается: «Есть грозный суд: он ждет»; ни одной копии, в которой стих 66 читался бы так, как у Ефремова, обнаружить не удалось. «Есть грозный суд» печаталось и во всех изданиях стихотворений Лермонтова (кроме изданий П. Ефремова и И. Болдакова) до 1924 года. В настоящем издании восстанавливается это традиционное и наиболее достоверное чтение.

В некоторых списках стихотворения (в том числе и в копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...») имеется следующий эпиграф:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим;
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.
Повидимому, эпиграф позднейшего происхождения и присоединен к стихотворению с целью ослабить впечатление политической резкости заключительных стихов.

Эпиграф взят из трагедии французского писателя Ротру «Венцеслав» в переработке А. Жандра (во французском тексте есть аналогичный монолог в V сцене IV акта).

В копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах...», имеется дата «28 января 1837 г.», что не отвечает действительности, так как стихотворение могло быть написано только после смерти Пушкина (Пушкин умер 29 января 1837 года).

Убийство Пушкина вызвало глубокое возмущение среди передовой части русского общества, и стихи Лермонтова, в которых он клеймил убийцу великого поэта и способствовавших подготовке дуэли представителей высшего света, еще в первоначальной редакции (без последних 16 стихов) быстро разошлись по городу в многочисленных списках. И. И. Панаев писал, что «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр. 96).

Правительственные круги и реакционная часть светского общества защищали Дантеса и распускали клеветнические слухи о Пушкине. С. А. Раевский писал в своих показаниях, что к больному Лермонтову приехал его двоюродный брат, камер-юнкер Н. А. Столыпин, и, передавая мнения этих кругов, «отзывался о Пушкине невыгодно, говорил, что он себя неприлично вел среди людей большого света, что Дантес обязан был поступить так, как поступил... настаивал, что иностранцам дела нет до поэзии Пушкина, что дипломаты свободны от влияния законов, что Дантес и Геккерн, будучи знатные иностранцы, не подлежат ни законам, ни суду русскому...».

В ответ на эти толки Лермонтов и написал дополнительные 16 стихов, которые также быстро разошлись и имели еще больший успех. Политическая острота стихотворения, гневное обличение придворной аристократии вызвало недовольство правительства. И когда Николай I получил копию стихотворения с надписью «Воззвание к революции», против Лермонтова и Раевского, участвовавшего в распространении стихов, было начато дело. 21 февраля 1837 года они были арестованы. 25 февраля Николай I отдал приказ: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк, и губернского секретаря Раевского выдержать под арестом на гауптвахте один месяц и потом отправить в Олонецкую губернию на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». Таким образом, Лермонтов был сослан на Кавказ в действующую армию.

Ветка Палестины (стр. 87)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 53–55), имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 5 об.–6.

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III, стр. 275–276).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1836 годом. Но по воспоминаниям А. Н. Муравьева это произведение было написано 20 февраля 1837 года на квартире мемуариста. Лермонтов приехал к Муравьеву в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть поэта». «Долго ожидая меня, – пишет Муравьев, – написал он на... листке чудные свои стихи „Ветка Палестины“, которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока...» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 24). В брошюре «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественниками по святым местам» (Киев, 1872) А. Н. Муравьев излагает иначе историю создания стихотворения, не связывая ее с событиями 1837 года.

В копии под заглавием было написано: «посвящается А. М-ву» (т. е. А. Муравьеву; это посвящение позже было зачеркнуто). А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях сообщает, что пальмовую ветку Муравьев затем подарил Лермонтову («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747).

В литературе уже указывалось на сходство этого стихотворения с «Цветком» Пушкина и стихами 312–315 поэмы «Бахчисарайский фонтан» (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 181–182).

Узник (стр. 89, 274)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 39–41). Имеется черновой автограф карандашом без названия – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 62. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 1 об.

Впервые напечатано в «Одесском альманахе» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 567–568).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихотворение «Смерть поэта». «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива“, „Я, мать божия, ныне с молитвою“, „кто б ни был ты, печальный мой сосед“, и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу“, прибавив к ней последнюю строфу:»Но окно тюрьмы высоко“» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740).

После переработки от стихотворения 1832 года «Желание», которое легло в основу «Узника», неизменными остались только первые четыре стиха.

Отдельные части стихотворения в несколько измененном виде бытовали в народно-песенном обиходе еще в начале 20-х годов нашего века.

Сосед («кто б ни был ты, печальный мой сосед», стр. 91)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 163–164), где появилось впервые. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4 об.

Автограф не известен.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник», стр. 331).

«Когда волнуется желтеющая нива» (стр. 92, 275)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 161–162), где появилось впервые. Имеется автограф – ЛБ, М., 8490,1, находящийся на отдельном листе вместе со стихотворением «Ангел», и копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3 об.

Датируется февралем 1837 года на основе датировки в «Стихотворениях» 1840 года и воспоминаний А. П. Шан-Гирея (см. примечание к стихотворению «Узник», стр. 331).

Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою», стр. 93, 275)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 43–44). Беловой автограф под заглавием «Молитва странника» имеется в письме к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 года – ИРЛИ, оп. 1, № 34; существует черновой автограф под тем же заглавием – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56, и копии ИРЛИ, оп. 1, № 47, л. 1 об–2, ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 4, рукой В. Соллогуба, обе тождественны с текстом.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. III, стр. 1).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, это произведение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом за стихи на смерть Пушкина («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 740). В копии В. Соллогуба датировано 1836 годом.

Сам Лермонтов писал М. А. Лопухиной: «Посылаю Вам стихотворение, которое случайно нашел в моих дорожных бумагах, оно мне довольно-таки нравится, именно

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila потому, что я совсем его забыл».

Вероятнее всего, «Молитва» была написана перед отъездом на Кавказ, чем и объясняется название стихотворения в автографах («Молитва странника»). Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к В. А. Лопухиной (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 187, и Соч. малой серии Библиотеки поэта, т. 1, стр. 403); но это предположение нельзя считать окончательно доказанным.

«Расстались мы, но твой портрет» (стр. 94, 275)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 165), где появилось впервые. Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56. Копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 5.

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1837 годом.

является переработкой более раннего произведения – «Я не люблю тебя; страстей» (1831, т. 1, стр. 253); от первоначальной редакции неизменными остались только последние два стиха.

«Я не хочу, чтоб свет узнал» (стр. 95, 275)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64.

Впервые с неточностями опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 94–95), где стихи 7–8 изъяты, очевидно, цензурой.

Датируется предположительно 1837 годом, так как на обороте писано стихотворение «Не смейся над моей пророческой тоскою».

«Не смейся над моей пророческой тоскою» (стр. 96, 275)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 64 об.

Впервые опубликовано, без последней строки, в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153). В стихе 4 цензурой было исключено слово «плаха».

Датируется предположительно 1837 годом по содержанию: слова «удар судьбы», видимо, являются намеком на преследования со стороны правительства в связи с распространением стихов «Смерть поэта». Положение стихотворения в тетради поддерживает эту датировку.

Стихи 1 и 3–4 совпадают со стихотворением – «Когда твой друг с пророческой тоскою» (стр. 217).

<Эпиграмма на Н. Кукольника > (стр. 97, 276)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 56 об.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, т. 14, № 9, стр. 59).

Датируется предположительно 1837 годом, так как на этом же листе написаны стихотворения «Молитва странника» и «Расстались мы», относящиеся к этому времени.

Н. В. Кукольник (1809–1868) – автор ряда псевдо-патриотических реакционных исторических драм. Его пьеса «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» была поставлена впервые на сцене Александринского театра 14 января 1835 года, а 23 января – на сцене Большого театра. Драма не пользовалась успехом. В 1837 году, до отъезда Лермонтова на Кавказ, драма «Скопин-Шуйский» шла дважды – 20 января и 19 февраля.

< Эпиграммы на Ф. Булгарина, I–II > («Россию продает Фадей», стр. 98–99, 276)
Печатаются по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной) на одном листке с двумя следующими эпиграммами.

Впервые опубликованы в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Датируются летом 1837 года, так как находятся на одном листке с эпиграммой «Се Маккавей», написанной в то же время.

Эпиграммы направлены против Ф. В. Булгарина (1789–1859). Как раз к началу 1837 года вышли в свет под именем Булгарина три мсти книги «Россия в историческом, статистическом и литературном отношениях...» (в действительности автором книги был Н. А. Иванов). Книга не имела сбыта.

Первая строка имеет двойной смысл и содержит намек не только на книгу Булгарина, но и на антипатриотический характер его деятельности, и его измену во время войны 1812 года (Булгарин служил в армии Наполеона).

В стихах 5–6 разоблачается связь Булгарина с III отделением.

«Се Маккавей-водопийца» (стр. 100, 276)
Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года по содержанию (речь идет о Кавказских водах; см. следующую эпиграмму).

Адресат этой и следующей эпиграмм не установлен. Высказывалось предположение, что это мог быть либо А. Л. Элькан, третьестепенный литератор, агент III отделения, либо другой сотрудник этого отделения – Н. И. Тарасенко-Отрешков («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 366–367).

«Остаться без носу – наш Маккавей боялся» (стр. 101)
Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 10 (из бумаг Е. П. Ростопчиной). См. примечание к «Эпиграммам на Ф. Булгарина».

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (т. 58, 1952, стр. 359).

Датируется летом 1837 года (см. примечание к предыдущему стихотворению, стр. 334).

<А. Петрову> (стр. 102, 276)
Печатается по «Русск. архиву» (1867, № 7, стлб. 1175).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано, с неверным чтением 1 и 2 стихов и под заглавием «Ребенку», в «Русск. архиве» (1864, № 10, стлб. 1088). В иной редакции было помещено в «Литературном сборнике» (Кострома, 1928, стр. 7).

Датируется 1837 годом на основании воспоминаний А. П. Петрова.

В «Русском архиве» 1864 года стихотворение сопровождалось следующим примечанием: «Продиктовано А. П. Петровым Г. П. Данилевскому в 1846 г. в Москве. – Семейство Г. Петрова было коротко знакомо с Лермонтовым на Кавказе».

Печата в 1867 году исправленный текст, А. П. Петров писал: «Случайно прочел я (в «Русском архиве», 1864, изд. 2–е) четверостишие, которое покойный М. Ю. Лермонтов написал мне в альбом в 1837 году. Так как две первые строчки этого экспромта переданы Г. П. Данилевским не совсем точно, то я и полагаю не лишним сообщить небольшое стихотворение это в том виде, как оно было написано автором... Михаил Юрьевич был не только хорошим нашим знакомым, как говорит Г. Данилевский, но и родственником: его родная бабка по матери (Елис. Алексеев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родные сестры. В 1837 году, во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, он находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича; ежедневно навещая в это время отца моего, бывшего тогда начальником штаба, он совершенно родственно старался развлекать. грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой» («Русск. архив», 1867, № 7, стлб. 1175).

В 1837 году А. П. Петрову было 12 лет. К его отцу, генералу П. И. Петрову, Лермонтов, судя по письмам поэта и к самому Петрову (от 1 февраля 1838 года) и к

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
бабушке (от 18 июня 1837 года), относился с уважением и симпатией. В свою очередь и семейство Петровых, видимо, ценило и любило молодого поэта.

«Спеша на север из далека» (стр. 103, 276)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 44.

Впервые опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 93–94) с ошибками и цензурными пропусками в стихах 12 и 23 и под заглавием «Казбеку».

Датируется концом 1837 года, когда Лермонтов возвращался из ссылки в Петербург.

1838

<К М. И. Цейдлеру> («Русский немец белокурый», стр. 105)
Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было помещено под заглавием «М.И.Ц.».

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Атенее» (1858, т. 6, № 48, стр. 303).

В «Библиогр. записках» этот экспромт был напечатан по тетради стихотворений Лермонтова, «списанных с собственноручных бумаг поэта и сообщенных Львом Ивановичем Арнольди покойной графине Е. П. Ростопчиной» («Библиогр. записки», 1859, т. 2, № 1, стлб. 19–20).

Датируется 3 марта 1838 года на основании воспоминаний Цейдлера.

М. И. Цейдлер (1816–1892) – товарищ Лермонтова по Юнкерской школе, служил в лейб-гвардии Гродненском полку, куда по возвращении из ссылки на Кавказ был переведен Лермонтов. К моменту прибытия Лермонтова в полк (26 февраля 1838 года) Цейдлер уже был откомандирован на Кавказ, и 3 марта Лермонтов вместе с другими товарищами провожал его. В этот вечер и было написано данное стихотворение. Рассказывая об этом, Цейдлер добавляет: «Экспромт этот имел для меня и отчасти для наших товарищей особенное значение, заключаая в конце некоторую, понятную только нам игру слов» («Русск. вестник», 1888, № 9, стр. 126). Эта игра была основана на двойном значении слова «сталь» – Цейдлер был влюблен в жену командира дивизиона, полковника Стааль фон Гольштейн – Софью Николаевну.

<К портрету старого гусара > («Смотрите, как летит, отвагою пылая...», стр. 106, 276)

Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 193), где было опубликовано впервые. Имеется копия ИРЛИ (оп. 1, № 44, отдельный листок).

Копия находится под рисунком А. Долгорукого, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне.

Датируется 1838 годом на основе пометы под текстом: «Рис. К<нязь> Долгорукий 2, 1838», сделанной, как и подпись «Лермонтов», рукой поэта.

Николай Иванович Бухаров (1799–1862) – полковник лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил вместе с Лермонтовым. По воспоминаниям кн. А. В. Мещерского, это был «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым в его известном стихотворении... Вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 614).

Кн. Александр Николаевич Долгорукий (1819–1842) – товарищ Лермонтова по полку.

<К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеша, Бухаров», стр. 107, 277)
Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 195, оп. 1, № 5083, л. 148 (отдельный листок).

В автографе помета неизвестной рукой: «Отдано в Молодик». На оборотной стороне листа рисунок пером, изображающий, видимо, Бухарова (военный курит трубку с длинным чубуком).

ие сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Впервые опубликовано в украинском литературном сборнике «Молодик» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 9), под заглавием «К Бухарову», с делением на строфы и с ошибкой в стихе 6.

Датируется 1838 годом по аналогии с предыдущим стихотворением.

Стихи 9–12 почти буквально совпадают со стихами 3–4 стихотворения «К портрету старого гусара».

Кинжал (стр. 108, 277)

Печатается по «Отч. запискам» (1841, т. 16, № 6, отд. Ш, стр. 234), где появилось впервые. Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об. Копия – ИРЛИ. оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 17. Стих 11 исправляется по автографу.

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года. Эта датировка подтверждается и содержанием стихотворения.

В копии первоначальное заглавие стихотворения «Подарок» зачеркнуто и заменено названием «Кинжал».

В литературе уже отмечалась общность темы и образов данного стихотворения с одноименным стихотворением Пушкина (Соч. изд. «Academia», т. 2, стр. 192–193).

«Гляжу на будущность с боязнь» (стр. 109, 278)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43.

Впервые опубликовано с некоторыми искажениями в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 95).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

«Слышу ли голос твой» (стр. 110, 278)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 46 об.

Впервые с опечатками опубликовано в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1, стр. 92) под заглавием «Неотделанное стихотворение».

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся, очевидно, к 1838 году.

«Как небеса твой взор блистает» (стр. 111, 278)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 63.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 22–23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с черновыми набросками последних строк «Казначейши», написанными, вероятно, в начале этого года.

«Она поет – и звуки тают» (стр. 112, 278)

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 43 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23).

Датируется предположительно 1838 годом, так как находится на одном листе с посвящением к «Казначейше», написанным, видимо, в начале этого года.

Стихи 5–8 являются переделкой стихов 9–12 стихотворения 1832 года «Она не гордой красотою» (стр. 56).

Дума (стр. 113, 279)

ие сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 45–48).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. I, № 2, отд. III. стр. 148–149).

Стихи 11–12, пропущенные по цензурным условиям и в «Стихотворениях» и в «Отеч. записках», воспроизводятся: стих 11 – по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 12, стлб. 373), стих 12 – по «Стихотворениям М. Ю. Лермонтова, не вошедшим в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 124).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1838 годом.

Стихи 13–16 восходят к стихам 6–9 стихотворения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд (стр. 63), стихи 17–24 повторяют тему, а отчасти и образы стихов 12–16 стихотворения 1829 года «Монолог» («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете»).

В этом стихотворении выражены раздумия Лермонтова о судьбе своего поколения, его мысли о положении лучших представителей современного общества в условиях николаевской реакции. Именно как выражение дум и настроений передовой молодежи 30-х годов это стихотворение и было воспринято читателями. Белинский высоко оценил и художественные достоинства и идейное содержание «Думы». Наряду с «алмазною крепостию стиха, громовую силою бурного одушевления, исполинскую энергиею благородного негодования и глубокой грусти», великий критик отмечал, что в этом стихотворении люди «нового поколения» найдут разгадку «собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней...» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 39, 40).

<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный», стр. 115, 279)
Печатается по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 10), где опубликовано (без заглавия) впервые. Автограф находится в Берлинской гос. библиотеке в портфелях Фарнгагена фон Энзе («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59) с пометой рукой П. А. Вяземского: «Lermontoff».

Под заглавием «А. Г. Хомутовой» было перепечатано в «Русск. архиве» (1867, № 7, стлб. 1051).

Датируется предположительно 1838 годом.

Анна Григорьевна Хомутова (1784–1856) – двоюродная сестра поэта И. И. Козлова (1779–1840), любившая его. Расставшись после 1812 года, они встретились только в 1838 году, когда Козлов был уже тяжело болен и слеп. Эта встреча произвела на Козлова сильное впечатление, и он посвятил Хомутовой стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

В 1838 году Лермонтов служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, которым командовал брат А. Г. Хомутовой – М. Г. Хомутов. По словам племянника Хомутовой, А. С. Хомутова, поэт «часто посещал командира полка. А. Г. Хомутова показала Лермонтову стихи Козлова, он попросил позволения взять их с собой и на другой день возвратил их со своими стихами на имя Хомутовой» («Русск. архив», 1886, № 2, стр. 198).

Вид гор из степей Козлова (стр. 116)
Печатается по литературному сборнику «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2, стр. 153–154), где было опубликовано впервые. Строка 9 исправляется по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21).

Автограф не известен.

Датируется первой половиной 1838 года на основании воспоминаний Л. И. Арнольди, который писал, что офицер Краснокутский сделал для Лермонтова подстрочный перевод стансов Мицкевича, и «Лермонтов тогда же облек их в стихотворную форму» («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 464). Это показание Арнольди поддерживается словами Ю. Ельца, что «Лермонтов написал „Стансы“ Мицкевича, переведенные ему польским корнетом Краснокутским», жившим с ним на одной квартире (Ю. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, т. 1. 1890, стр. 206, 255). В Гродненском гусарском полку Лермонтов служил с 26

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
февраля по конец апреля 1838 года; в этот период и было написано данное
произведение. Оно действительно является вольным переводом одноименного
стихотворения Мицкевича из цикла «Крымских сонетов».

Козлов – старинное название Евпатории.

Поэт (стр. 118, 279)

Печатается по «Отеч. запискам» (1839, т. 2, № 3, отд. III, стр. 163–164), где
появилось впервые. Имеется черновой автограф с карандашными поправками – ГИМ, ф.
445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 61.

Датируется по содержанию 1838 годом. Кроме того, эта датировка подтверждается и
тем, что цензурное разрешение на выпуск «Отеч. записок» было получено уже 1
февраля 1839 года.

1839

«Ребенка милого рожденье» (стр. 120)

Печатается по Соч. изд. Академической библиотеки (т. 4, 1911, стр. 335), где
письмо к А. А. Лопухину, в котором находится это стихотворение, воспроизводилось
по автографу (из собрания барона Д. Г. Гинзбурга). В данное время
местонахождение автографа не известно.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 342).

Датируется февралем 1839 года, так как написано по поводу рождения сына
Александра у А. А. Лопухина, друга и родственника Лермонтова. Александр Лопухин
родился 13 февраля 1839 года.

<А. А. Олениной > («Ах! Анна Алексевна», стр. 121)

Печатается по копии – ГПБ, архив А. Н. Оленина, № 912. Имеется также копия в
ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 2, л. 1.

Публикуется впервые.

Копия сделана рукой старшей сестры А. А. Олениной, Варвары, и имеет приписку:
«Приветствие большого гусарского офицера и поэта Г. Лермантова Анне Алексеевне
Олениной в ее альбом 1839 года». В копии ЦГЛА эта приписка дополнена словами: «В
день ее рождения». Следовательно, стихотворение было написано Лермонтовым 11
августа (день рождения А. А. Олениной) 1839 года.

Анна Алексеевна Оленина (1808–1888) – дочь директора Публичной библиотеки и
президента Академии художеств А. Н. Оленина. В доме своего отца она встречалась
с крупнейшими деятелями русской культуры первой половины XIX века. Поэты
(Пушкин, Крылов, Гнедич, Козлов, Веневитинов и др.) посвящали ей свои
стихотворения. В 1840 году А. А. Оленина вышла замуж за Ф. А. Андро де
Ланжерона, полковника лейб-гвардии гусарского полка, в котором служил Лермонтов.

«Не верь себе» (стр. 122)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 57–60).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 3, № 5, отд. III, стр. 277–278).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

Эпиграф взят из «Пролога» к «Ямбам» Огюста Барбье. Но Лермонтов изменил стих 1,
поставив вместо «Que me font – «Que nous font» («какое мне дело» – «какое нам
дело». – франц.)

Три пальмы (стр. 124)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 65–70).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 5, № 8, отд. III, стр. 168–170).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом, написано до 14 августа

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila (цензурное разрешение на выпуск т. 5 «Отеч. записок»). Следовательно, стихотворение было написано в первой половине 1839 года.

Белинский с восторгом отзывался об этом стихотворении и писал, что «пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок – сливаются в этой пьесе поэзию с живописью» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Молитва («В минуту жизни трудную», стр. 127, 280)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 71–72).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 6, № 11, отд. III, стр. 272).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1839 годом.

А. О. Смирнова-Россет (Автобиография. «Мир», 1931, стр. 247) рассказывает, что эти стихи Лермонтов написал для М. А. Щербатовой.

Дары Терека (стр. 128)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 73–77).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 7, № 12, отд. III стр. 1–3).

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом.

В этом стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными казачьими песнями о Тереке. Не придерживаясь строго какого-либо одного из фольклорных источников, Лермонтов сумел понять и передать в своем стихотворении дух и стиль песен и сказов гребенских казаков.

Белинский писал, что в этом стихотворении Лермонтов «создал апотеоз Кавказа, дав ему индивидуальную личность, поэтически олицетворив Каспий и Терек» (Белинский, т. 13, 1948, стр. 50).

Памяти А. И. О<доевско>го (стр. 131, 280)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 79–84). Имеется черновой автограф – ГИМ, ф. 445, № 227а, (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 54 и 55 об.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1839, т. 7, № 12, отд. III, стр. 209–210) под тем же заглавием, как и в «Стихотворениях» 1840 года – «Памяти А. И. О – го».

Стих 16, в котором в печатном тексте, вероятно, под воздействием цензуры слово «бог» было заменено словом «рок», – исправляем по автографу.

В «Стихотворениях» 1840 года датируется 1839 годом; написано было, видимо, осенью 1839 года, когда Лермонтов узнал о смерти Одоевского.

Поэт Александр Иванович Одоевский (1802–1839) принадлежал к Северному обществу декабристов. После восстания 14 декабря 1825 года был приговорен к 12 годам каторги. Вместе с другими декабристами отбывал заключение в Читинском остроге и на Петровском заводе, затем был сослан в Сибирь на поселение, а в 1837 году переведен в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе. В этот же полк был сослан и Лермонтов после следствия по делу о стихах на смерть Пушкина. На Кавказе Лермонтов познакомился со многими сосланными туда декабристами, но особенно сблизился с Одоевским. В 1839 году, 15 августа, Одоевский умер.

Стихи 12–22 этого стихотворения совпадают со стихами 7–12 стихотворения «Когда твой друг с пророческой тоскою» (стр. 217) и стихами 1–5 стихотворения 1832 года «Он был рожден для счастья, для надежд» (стр. 63).

Строфы III и IV этого стихотворения в несколько отличной редакции вошли в поэму «Сашка» (т. 4).

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
«На буйном пиршестве задумчив он сидел» (стр. 134, 282)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликованы две первые строфы под заглавием «Отрывок» с опечаткой в стихе 2 в «Современнике» (1854, т. 43, № 1, отд. I, стр. 8). В 1857 году было напечатано с третьей строфой (зачеркнутой в автографе) под заглавием «Казот» тоже в «Современнике» (т. 65, № 10, отд. I, стр. 189).

Датируется 1839 годом, так как написано на одном листке со стихотворением «Э. К. Мусиной-Пушкиной» и окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Ж. Казот (1719–1792) – французский писатель, монархист, казненный в 1792 году. В «Посмертных сочинениях» Лагарпа в 1806 г. был напечатан вымышленный рассказ последнего о том, что в начале 1788 года на банкете Казот предсказал Французскую революцию и судьбу присутствовавших на вечере гостей. Этот рассказ и лег в основу данного стихотворения.

<Э. К. Мусиной-Пушкиной > («Графиня Эмилия», стр. 135, 282)
Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), л. 55.

Впервые опубликовано в «Русск. вестнике» (1860, т. 26, № 4, кн 2, стр. 387).

Датируется 1839 годом по положению в тетради.

Стихотворение обращено к графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной (урожденной Шернваль, 1810–1846). А. В. Мещерский писал, что «обе сестрицы Шернваль были замечательной красоты. Эмилия Карловна и Аврора Карловна, хотя и принадлежали к небогатому дворянскому семейству в Финляндии, но получили хорошее образование» («Русск. архив», 1900, № 12, стр. 609).

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен» (стр. 136)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 85–88).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 8, № 1, отд. III, стр. 140).

В обоих изданиях перед стихотворением стоит дата «1 января»; в «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Это стихотворение было написано в связи с новогодним балом-маскарадом в Дворянском собрании, на котором был и Лермонтов. И. С. Тургенев, также присутствовавший на этом балу, вспоминал, что «на бале Дворянского собрания ему (Лермонтову, – Ред.) не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки, одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:

„Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских –
Давно бестрепетные руки...“
и т. д.». (И. С. Тургенев, Собр. соч., т. 10, 1949, стр. 248–249).

«И скучно и грустно» (стр. 139, 282)
Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 109–110). Имеется черновой автограф – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66.

Впервые напечатано в «Лит. газете» (1840, № 6, стлб. 133).

Датируется январем 1840 года, так как 20 января стихотворение уже появилось в «Лит. газете». В «Стихотворениях» отнесено к 1840 году.

Раскрывая общественный смысл этого стихотворения, Белинский писал: «„И скучно и
Страница 92

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
грустно“ из всех пьес Лермонтова обратила на себя особенную неприязнь старого поколения. Странные люди! им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тешить побрякушками, а не греметь правдою» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 45).

«Посреди небесных тел» (стр. 139)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66. Другой автограф (карандашный набросок, не законченный и зачеркнутый) – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 35 (архив П. А. Вяземского), л. 10.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1858, т. 1, № 20, стлб. 634–635).

Датировалось ранее без достаточных оснований 1833–1834 годами. Автограф стихотворения находится на том же листке, что «И скучно и грустно»; поэтому можно его отнести к 1840 г.

Казачья колыбельная песня (стр. 140)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 89–92).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 8, № 2, отд. III, стр. 245–246).

В «Стихотворениях» 1840 года датировано 1840 годом.

По поводу этого стихотворения среди гребенских казаков существовала легенда, что Лермонтов после битвы при Валерике в станице Червленной услышал, как казачка пела над колыбелью ребенка, и под впечатлением ее песни написал свою (см.: Леонид Семенов. «Лермонтов и Толстой», 1914, стр. 119). Это опровергается тем, что стихотворение появилось в печати в феврале, а битва при Валерике была в июле.

Белинский высоко оценил «Казачью колыбельную песню» и писал о ней: «Ее идея – мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать – казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 52).

«Казачья колыбельная песня» прочно вошла в народный обиход.

<М. А. Щербатовой > («на светские цепи», стр. 142, 283)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, сп. 1, № 48. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10 об.

Впервые, с ошибкой во 2 стихе, опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 1, отд. I, стр. 126), где датировано 1840 годом.

В своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей писал: «Зимой 1839 г. Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса «На светские цепи»). Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 747–748). То же рассказывала Е. А. Сушкова М. И. Семеvскому: «Прелестное стихотворение „На светские цепи“... написано княгине Марии Алексееvне Щербатовой, рожденной Штерич, красавице и весьма образованной женщине» («Записки» Сушковой, 1928, стр. 225).

«Есть речи – значенье» (стр. 144, 283)

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 14, № 1, отд. III, стр. 2), где появилось впервые. Имеется совпадающий по тексту автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 20.

В 1846 году в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 2, стр. 168) была опубликована другая редакция стихотворения под заглавием «Волшебные звуки».

Датируется 1840 годом, так как цензурное разрешение на выпуск в свет тома 14 «Отеч. записок» было получено 1 января 1841 года.

И. И. Панаев рассказывает в своих воспоминаниях о том, как Лермонтов привез это стихотворение А. А. Краевскому (И. И. Панаев. Воспоминания. ГИХЛ, 1950, стр.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
134–135).

Журналист, читатель и писатель (стр. 145, 284)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 93–102). Имеется беловой автограф – ирли, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 11–12 об. и копия рукой В. А. Соллогуба – ирли, оп. 2, № 62.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1840, т. 9, № 4, отд. III, стр. 307–310). В тексте журнала допущена опечатка, перешедшая в «Стихотворения», в стихе 84: «светлое» вместо «свежее». Исправлено по автографу.

В автографе помета: «Печатать позволяется. С.-Петербург, 19 марта 1859 года. Цензор И. Гончаров».

Датируется 20 марта 1840 года, так как в копии рукой Соллогуба написано: «С.-Петербург. 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте». В «Стихотворениях» также датировано 1840 годом.

Эпиграф принадлежит, очевидно, самому Лермонтову.

Стихотворение было литературно-общественной декларацией Лермонтова, в нем выразилось отношение Лермонтова к журнальной полемике 1839–1840 годов и оценка им реакционной критики болгаринского толка. В образе «журналиста» Лермонтов, возможно, изобразил Н. А. Полевого, ставшего в это время на охранительные позиции («Лит. наследство», т. 43–44, 1941, стр. 761–762).

В. Г. Белинский дал восторженную оценку этому стихотворению: «Разговорный язык этой пьесы – верх совершенства; резкость суждений, тонкая и едкая насмешка, оригинальность и поразительная верность взглядов и замечаний – изумительны. Исповедь поэта, которою оканчивается пьеса, блещит слезами, горит чувством. Личность поэта является в этой исповеди в высшей степени благородною» (Белинский, т. 6. 1903, стр. 47).

Воздушный корабль (стр. 151)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 103–107).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 5, отд. III, стр. 1–3).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. Но можно датировать более точно – мартом 1840 года, так как В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 15 марта 1840 года писал, что Лермонтов, которого он навещал под арестом в ордонанс-гаузе, «читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, СПб., 1914, стр. 93).

Сюжетная основа стихотворения восходит к балладе австрийского поэта-романтика Цейдлица – «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Но Лермонтов далеко отошел от немецкого оригинала и не только изменил заглавие и порядок изложения, но и внес совершенно иной идейный смысл. В балладе Цейдлица его заинтересовал сюжет, позволявший ему воплотить свой оригинальный творческий замысел. Самая тема Наполеона давно привлекала внимание Лермонтова, см. стихотворения: 1829 года – «Наполеон», («Где бьет волна о брег высокой», т. 1, стр. 45), 1830 года – «Наполеон» («В неверный час», т. 1, стр. 102) и «Эпитафия Наполеону» (т. 1, стр. 104), 1831 года – «Св. Елена» (т. 1, стр. 194).

Соседка (стр. 154, 285)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 19.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1842, т. 20, № 2, отд. 1, стр. 127–128).

Датируется мартом – апрелем 1840 года, на основании воспоминаний А. П. Шан-Гирея, который указывал, что стихотворение было написано в ордонанс-гаузе, где Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

Шан-Гирей писал, что «соседка» Лермонтова действительно существовала, но «была

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, № 8, стр. 749).

П. А. Висковатов передает, что «Соллогуб видел даже изображение этой девушки, нарисованное Лермонтовым, с подписью „la jolie fille de sous-officier“» («хорошенькая дочь унтер-офицера». – Франц.) (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 330).

Стихотворение проникло в тюремную и ссыльно-поселенческую среду, где бытовало в качестве песни.

Пленный рыцарь (стр. 156)

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 17, № 8, отд. III, стр. 268), где появилось впервые. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 18.

Датируется предположительно апрелем 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с сыном французского посланника де Барантом.

<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая», стр. 157)

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24, № 10, отд. I, стр. 320), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия без разночтении – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 62 (принадлежала В. В. Стасову).

Датируется предположительно, по содержанию, весной 1840 года, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с де Барантом (стихи 9, 13–14).

Относится к Марье Петровне Соломирской (1811–1859), жене Владимира Дмитриевича Соломирского, брат которого в 1837 году командовал лейб-гвардии гусарским полком. В 1839–1840 годах Лермонтов встречался с ней в свете. Сидя под арестом, он, очевидно, получил от Соломирской какую-то дружескую записку.

Отчего (стр. 158)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 115–116).

Автограф не известен,

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 280).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Предполагается, что стихотворение посвящено М. А. Щербатовой (см. Соч. изд. Academia, т. 2, стр. 218). О М. А. Щербатовой см. примечание к стихотворению «На светские цепи», стр. 345.

Благодарность (стр. 159)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 117–118). Имеется беловой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 13.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 10, № 6, отд. III, стр. 290).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом.

Из Гёте (стр. 160)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 119–120).

Автограф не известен.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 11, № 7, отд. 111, стр. 1).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. По воспоминаниям А. Н. Струговщикова, стихотворение было написано в конце ноября 1840 года, когда автор воспоминаний встретил Лермонтова у В. А. Соллогуба: «На вопрос его < Лермонтова >: не перевел ли я „Молитву путника“ Гете? я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй – недостает мне ее певучести и неуловимого ритма, „А я, напротив, мог только вторую половину перевести“, сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Termontovmikhail* набросал мне на клочке бумаги свои „Горные вершины“ («Русск. старина», 1874, № 4, стр. 712). Однако Струговщиков несомненно ошибся: в ноябре 1840 года Лермонтов был уже на Кавказе.

Данное произведение является вольным переложением стихотворения Гёте «Über allen Gipfeln» («Wanderers Nachtlied», «Над всеми вершинами» – «Ночная песнь странника». – Нем.).

Ребенку (стр. 161, 285)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 111–114). Имеется автограф на отдельном листке – ИРЛИ, оп. I. № 47.

Впервые напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 12, № 9, отд. III, стр. 1–2).

В «Стихотворениях» датировано 1840 годом. В автографе рукой В. А. Соллогуба поставлена дата: «1838 г.».

Адресат не установлен. Высказывалось предположение, что стихотворение относится к дочери В. А. Лопухиной – Бахметевой (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 291). Однако этому противоречит текст стихотворения, в котором речь идет о ребенке-мальчике («Ты на нее похож», «Ты повторял за ней»). Недостаточно обосновано и мнение, что стихотворение могло быть обращено «к сыну генерала Г. (т. е. Граббе. – Ред.), убитому в последнюю войну с турками» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1889, стр. 490).

А. О. Смирновой (стр. 163, 286)

Печатается по беловому автографу – ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 180 (альбом А. О. Смирновой), л. 3 об. Имеется беловой автограф другой редакции стихотворения – ГИМ, ф. 445, № 105 (альбом М. П. Полуденского), л. 61. Неполная копия, сделанная рукой В. А. Соллогуба, – ИРЛИ, оп. 1, № 47 (повидимому – с чернового автографа).

В обоих автографах под текстом подпись: «М. Лермонтов».

Впервые в сокращении и с неточностями напечатано в «Отеч. записках» (1840, т. 12, № 10, отд. III, стр. 229). Стихотворение, очевидно, печаталось по альбому А. О. Смирновой, это подтверждается не только анализом текста, но и тем, что в этом же номере журнала на одной странице с стихотворением Лермонтова было помещено стихотворение Пушкина, печатавшееся несомненно по автографу в альбоме Смирновой (л. 1). Первые четыре стиха стихотворения Лермонтова не были напечатаны. Возможно, что эти стихи были исключены не самим Лермонтовым, а Смирновой. Имеющиеся же в печатном тексте изменения могли возникнуть в результате того, что Смирнова передала их по памяти.

Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (1809–1882) была в дружеских отношениях со многими русскими писателями: Пушкиным, Гоголем, Жуковским и др. Лермонтов познакомился со Смирновой в Петербурге зимой 1839–1840 года, бывал у нее и часто встречал ее в доме Карамзиных. В своей автобиографии А. О. Смирнова рассказывает о том, как было написано это стихотворение: «Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи» (А. О. Смирнова–Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 213).

К портрету (стр. 164, 286)

Печатается, по тексту «Отеч. записок» (1840, т. 13, № 12, отд. III, стр. 290), где появилось впервые. Имеется беловой автограф – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 40; другой беловой автограф находился в Берлинской Гос. библиотеке, в портфелях К. А. Фарнгагена фон Энзе, с пометой «Von Paulina Vülübin» («Русск. старина», 1893, № 4, стр. 59). Черновой автограф под заглавием «Портрет. Светская женщина» – ЦГЛА, ф. 427, оп. 1, № 986 (тетрадь С. А. Рачинского), л. 66 об.

В беловом автографе ЦГЛА внизу две пометы: «Писано собственною рукою Лермонтова. К<нязь> В. Одоевский» и «Это портрет графини Воронцовой–Дашковой. К< князь > Вяземский».

Датируется 1840 годом по времени опубликования.

Обращено к графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, урожденной Нарышкиной (1818–1856). Ее портрет был литографирован Греведоном в 1840 году в Париже. В. А. Соллогуб писал о ней в своих воспоминаниях: «Много случалось встречать мне на моем веку женщин гораздо более красивых, может быть, даже более умных, хотя графиня Воронцова-Дашкова отличалась необыкновенным остроумием, но никогда не встречал я ни в одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом была в ней жизнь и оживляла, скрашивала всё ее окружающее» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. «Academia», 1931, стр. 288).

Тучи (стр. 165)

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова» (СПб., 1840, стр. 167–168), где появилось впервые. Имеется копия под заглавием «Тучки» – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 71.

В «Стихотворениях» датировано: «Апрель 1840», т. е. временем, когда Лермонтов уезжал из Петербурга в ссылку на Кавказ.

П. А. Висковатов передает со слов В. А. Соллогуба об обстоятельствах написания стихотворения: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невой, написал стихотворение: „Тучки небесные, вечные странники!..“. Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 338).

Белинский писал об этом стихотворении, что оно «полно какого-то отрадного чувства выздоровления и надежды, и пленяет роскошью поэтических образов, каким-то избытком умиленного чувства» (Белинский, т. 6, 1903, стр. 51).

Валерик (стр. 166, 287)

Печатается по черновому автографу – ЛБ, М., 8490, 3. Имеется копия – ЛБ, IV, 5, 7 (из архива Ю. Ф. Самарина).

Впервые опубликовано (не по данному автографу) с многочисленными опечатками и пропуском стихов 70, 200–205 в альманахе «Утренняя заря» на 1843 год (стр. 66–78).

В автографе стихотворение не имеет заглавия. Но в копии из архива Самарина (так же, как и в других имеющихся копиях) и в «Утренней заре» оно озаглавлено «Валерик». Список Ю. Ф. Самарина ближе к тексту «Утренней зари», чем к черновому автографу. Наличие в нем разночтений: в стихах 89, 139–140 и др. и вычеркнутых в автографе 11 стихов, следовавших после стиха 175 (в списке они помещены после стиха 200), позволяет предполагать, что этот список был сделан с более поздней редакции (возможно, с той же, которая легла в основу текста «Утренней зари»). Поэтому в настоящем издании сохраняется заглавие «Валерик» и стих 198 исправляется по списку.

В автографе помета рукой И. Е. Бецкого: «Лермонтова. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа».

На копии сверху надпись карандашом, сделанная неизвестной рукой: «Подарено автором». В действительности Самарин получил это стихотворение от кн. И. Голицына, который привез рукопись с Кавказа (Соч. Ю. Ф. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 78).

Датируется летом 1840 года по содержанию; стихотворение было написано после боя 11 июля 1840 года при Валерике (Валерик – приток реки Сунжи, впадающей в Терек). Лермонтов, находясь в отряде генерала Галафеева, участвовал в этом сражении и писал о нем А. А. Лопухину 12 сентября 1840 года (см. настоящее издание, т. 6). В «Журнале военных действий» (копия – ИРЛИ, оп. 3, № 32) в числе офицеров, отличившихся в сражении при Валерике и проявивших «необыкновенное рвение», назван и «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов» (лл. 54–55). За то, что Лермонтов, «несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila ворвался в неприятельские завалы», он был представлен генералом Галафеевым к ордену Владимира 4-й степени с бантом. Корпусное начальство заменило Владимира 4-й степени на орден Станислава 3-й степени. Но даже и на эту награду «не последовало высочайшего соизволения».

Описание сражения в «Журнале военных действий» по сравнению со стихотворением «Валерик» показывает, как точно, вплоть до отдельных деталей, воспроизводил Лермонтов картину боя. В. Г. Белинский отмечал, что «Валерик» «одно из замечательнейших произведений покойного поэта; оно отличается этою стальною прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова, и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 495).

Завещание («Наедине с тобою, брат», стр. 174)
Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 14, № 2, отд. III, стр. 157), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом 1840 года; в это время Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

1841

Оправдание (стр. 176)
Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 3, отд. III, стр. 44), где появилось впервые.

Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

Это стихотворение является переработкой двух юношеских стихотворений: «Романса к И...» («Когда я унесу в чужбину», 1831, т. 1, стр. 187) и «Когда одни воспоминанья», включенного в трагедию «Станный человек», 1831 (т. 5). Первая строфа второго из этих стихотворений повторена в «Оправдании» почти без изменений (только в стихе 2 слова «О днях безумства и страстей» заменены словами: «О заблуждениях страстей»). Остальные строфы (2–5) стихотворения написаны заново.

Родина (стр. 177, 293)

Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 15, № 4, отд. III, стр. 283), где появилось впервые под заглавием «Родина». Автограф под названием «Отчизна» – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 14. В стихе 16 печатаем по автографу «ночующий», так как в журнальном тексте опечатка («кочующий»).

Датируется началом 1841 года по времени появления в печати.

В. Г. Белинский 13 марта 1841 года писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его Родина – то, аллах керим, – что за вещь – пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (В. Г. Белинский. Письма, т. 2. СПб., 1914, стр. 227).

Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) отмечал, что «Лермонтов... обладал, конечно, громадным талантом и, умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение „Родина“, в котором он... понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» (Добролюбов, т. 1, 1934, стр. 238).

Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец», стр. 178)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 18, стлб. 556), где была опубликована впервые с примечанием П. А. Ефремова внизу страницы: «На О. И. Сенковского».

Автограф не известен.

Датируется началом 1841 года в связи с тем, что обращена к О. И. Сенковскому,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila редактору и издателю «Библи. для чтения», рецензия которого на сборник стихотворений Лермонтова относится к концу предшествующего года. Сенковский в своих рецензиях часто допускал неприкрытую брань по адресу писателей (например Гоголя). В связи с выходом в свет «Героя нашего времени» Сенковский поместил в своем журнале рецензию, которая носила двусмысленный характер («Библи. для чтения», 1840, т. 39, ч. 2, № 4, отд. VI, стр. 17). Позже Сенковский напечатал восторженный, но отличающийся весьма развязным тоном отзыв о сборнике стихотворений Лермонтова 1840 года (там же, 1840, т. 43, ч. 1, № 11, отд. VI, стр. 1–11). О. И. Сенковский, поляк по национальности, печатал свои статьи под псевдонимом «Барон Брамбеус» (см.: Н. Мордовченко. В. Белинский и русская литература его времени. М. – Л., 1950, стр. 110–112, 125).

«На севере диком стоит одиноко» (стр. 179, 293)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 25, которая является второй редакцией стихотворения. (Копия расположена на обороте листка, на котором находится авторизованная копия стихотворения «Любовь мертвеца»). Другая копия той же второй редакции – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 10. Черновой подготовительный текст второй редакции (чернилами, отчасти поверх карандаша) – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 3. Под текстом слева – карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине и в отдалении пальму на скале; справа – два мужских профиля.

Существует также первая редакция стихотворения. Это беловой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 15 об. Он расположен на небольшом листке, вклеенном в альбом, и предварительно написан начерно. Перед беловой автографом эпиграф – цитата из стихотворения Гейне. Другой беловой автограф той же первой редакции – ИРЛИ, оп. 1, № 50 (альбом З. И. Юсуповой-Шове), л. 16, с пометой, сделанной неизвестной рукой: «Писано в Санкт-Петербурге, перед отъездом на Кавказ, в 1841 году, М. Ю. Лермонтовым» (таким образом, вторая редакция стихотворения была создана вскоре после первой). Это также листок, наклеенный в альбом. Текст совпадает с текстом белового автографа ГПБ; впервые был опубликован в «Ниве» 1888, № 46, стр. 1161.

Работая над первой редакцией стихотворения, Лермонтов, повидимому, начал с перевода строфы 2 (черновик ГПБ, № 11, л. 3; на этом же листке, сверху и снизу, – позднейшая работа по переделке во вторую редакцию); затем перевел строфу 1 и к черновому тексту перевода приписал окончательный текст уже сделанного перевода строфы 2, внося в него некоторые изменения (черновик ГПБ, № 11, л. 15 об.). После этого он переписал весь текст набело на том же листе 15 об.

Вероятно, позднее на л. 3 альбома ГПБ, где был написан черновик строфы 2, на свободных местах (сверху и снизу) Лермонтов набросал первоначальный текст второй редакции.

Впервые во второй редакции опубликовано в «Отч. записках» (1842, т. 20, № 1, отд. I, стр. 124) под заглавием «Сосна» и с датой «1840».

Датируется весной 1841 года по находению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11). Об этом же свидетельствует П. П. Вяземский («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 141–142).

Стихотворение Лермонтова представляет собой вольный перевод 33-го стихотворения цикла «Lyrisches Intermezzo» («Лирическое интермеццо». – Нем.) из «Buch der Lieder» («Книга песен». – Нем.) Г. Гейне, причем первая редакция ближе к оригиналу, нежели вторая.

Любовь мертвеца (стр. 180, 294)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 25. Эта отдельный листок, на обороте которого находится копия стихотворения «На севере диком». Черновой автограф (карандаш, обведенный чернилами чужой рукой) – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), л. 2–2 об.

Впервые опубликовано в альманахе «Утренняя заря» на 1842 год (СПб., 1842, стр. 44–46) с цензурным пропуском и заменой многоточием стихов 17–18.

Датируется весной 1841 года по находению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11) перед стихотворением «Последнее новоселье» и предисловием ко второму изданию «Героя нашего времени»,

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
написанными весной 1841 года.

Последнее новоселье (стр. 182, 295)
Печатается по «Отеч. запискам» (1841, т. 16, № 5, отд. 115, стр. 1–2), где появилось впервые. Черновой автограф – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 11 (альбом М. Ю. Лермонтова), лл. 9 об. – 11. Беловой автограф (с отличиями от печатного текста) – ИРЛИ, оп. 1, № 38 (из альбома А. Д. Боратынской, рожд. Абамелек). Подпись: «М. Лермонтов». Авторизованная копия (также не совсем совпадающая с текстом «Отеч. записок») – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), лл. 15–16.

Датируется весной 1841 года по времени появления в печати.

Написано по поводу перенесения праха Наполеона I с острова св. Елены в Париж 15 декабря 1840 года.

В стихах 43–44 речь идет об единственном сыне Наполеона I и Марии-Луизы, герцоге Рейхштадтском (1811–1832), который после крушения империи и восстановления монархии Бурбонов был увезен в Австрию.

«Из-под таинственной, холодной полумаски» (стр. 185)
Печатается по «Отеч. запискам» (1843, т. 28, № 5, отд. I, стр. 80), где опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Датируется 1841 годом предположительно; в сборник стихотворений 1840 года это стихотворение не вошло и, по видимому, написано после выхода сборника в свет.

В альбом автору «Курдюковой» (стр. 186, 297)
Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 24, № 9, отд. I, стр. 174), где было опубликовано впервые. Автограф – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 45 с заглавием «И. П. Мятлеву».

«Автор Курдюковой» – Иван Петрович Мятлев (1796–1844). Его нашумевшее произведение «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже» написано в стиле так называемой макаронической поэзии, основанной на смешении различных языков (в «Сенсациях...» смесь слов из русского и французского языков).

Стихотворение Лермонтова датируется 1841 годом – временем выхода в свет книги Мятлева.

<А. А. Углицкой> («Ma chère Alexandrine», стр. 187)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 42 (из альбома А. А. Альбрехт, урожд. Углицкой). Автограф карандашом на отдельном листке, который был ранее вклеен в альбом. Подпись: «Лермонтов». Справа внизу – рисунок, изображающий фигуру женщины.

Впервые опубликовано в альманахе «Радуга» (Пб., 1922, стр. 111).

Датируется февралем или мартом 1841 года, написано во время последнего приезда Лермонтова в Петербург.

В стихотворении речь идет о предстоящей (в апреле 1841 года) свадьбе Александры Александровны Углицкой (1822–1862), дочери двоюродной сестры матери поэта. Лермонтов упоминает про свой «армейский чин»: он был переведен из лейб-гвардии гусарского полка в армейский (Тенгинский пехотный полк) в апреле 1840 года и до февраля 1841 года находился на Кавказе.

Стихотворение написано в манере стихов И. П. Мятлева (см. примечание к предыдущему стихотворению).

<Из альбома С. Н. Карамзиной > (стр. 188)
Печатается по фотоснимку с автографа, хранящемуся в ИРЛИ, оп. 1, № 48.

Автограф, принадлежавший Е. П. Клейнмихель (урожденной Мещерской), утрачен.

Впервые опубликовано: без последней строфы – в сборнике «Русская беседа» (т. 2,
Страница 100

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail* 1841, стр. 93), полностью – в «Русск. библиофиле» (1916, № 6, октябрь, стр. 70) с приложением факсимиле автографа.

Датируется предположительно началом 1841 года.

Софья Николаевна Карамзина (1802–1865) – дочь писателя и историка Н. М. Карамзина, умная, образованная женщина, с которой Лермонтов был особенно дружен в последние годы своей жизни. О салоне Карамзиных см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 143–144; А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. М., 1928, стр. 70–71.

Стихотворение вызвало восторженный отзыв Белинского: «Какая простота и глубокость! Оборот мысли, фразы – всё пушкинское» (Белинский, т. 7, 1904, стр. 69).

Смирнова Александра Осиповна – см. примечание к стихотворению «А. О. Смирновой» (стр. 350).

Саша – Александр Николаевич Карамзин (1815–1888), поэт, брат С. Н. Карамзиной.

Ишка Мятлев – поэт Иван Петрович Мятлев, см. примечание к стихотворению «В альбом автору „Курдюковой“» (стр. 356).

Графине Ростопчиной (стр. 189)

Печатается по сборнику «Русская беседа» (т. 2, СПб., 1841, стр. 94), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Датируется концом апреля 1841 года на основании следующих данных. Перед отъездом на Кавказ Лермонтов подарил Е. П. Ростопчиной альбом. В примечании к стихотворению «Пустой альбом» Е. П. Ростопчина пишет: «Этот альбом был мне подарен М. Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ, в мае (в апреле. – Ред.) 1841 года, стало быть, незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: „Я знаю, под одной звездой мы были с вами рождены“» (Стихотворения графини Ростопчиной, т. 2, изд. 2-е, СПб., 1857, стр. 85).

Впоследствии Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что имя Ростопчиной «будет увековечено этим прекрасным стихотворением» (Чернышевский, т. 3, 1947, стр. 466).

Договор (стр. 190, 297)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1842, т. 21, № 3, отд. I, стр. 1–2).

Является переработкой юношеского стихотворения «Прелестнице» (1832). Первые три строфы мало отличаются от прежнего текста, две последние написаны вновь.

Датируется предположительно 1841 годом.

В письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский писал: «„Договор“ – чудо, как хорошо, и ты прав, говоря, что это глубочайшее стихотворение, до понимания которого не всякий дойдет...» (В. Г. Белинский, Письма, т. 2, 1914, стр. 284).

«Прощай, немая Россия» (стр. 191, 297)

Печатается по публикации «Русск. архива» (1890, кн. 3, № 11, стр. 375), представляющей наиболее вероятную редакцию. Текст сопровождается примечанием: «Записано со слов поэта современником». Имеется копия ИРЛИ (оп. 2, № 52 в письме П. И. Бартенева П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.), текст которой приведен в подстрочном примечании. Посылая стихотворение Ефремову, Бартенев писал: «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника». Однако сообщение это нельзя считать достоверным, поскольку стихотворение опубликовано тем же Бартеневым в «Русск. архиве» в иной редакции (см. текст).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с цензурными искажениями в «Русск. старине» (1887, № 12, стр. 738–739).

Датируется предположительно концом апреля 1841 года, когда Лермонтов находился в Петербурге и вновь, в 48 часов, был выслан на Кавказ.

В стихотворении с наибольшей политической остротой выразилось отношение Лермонтова к самодержавно-полицейскому режиму николаевской России.

Утес (стр. 192, 298)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 8. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 24 об. – 25 (1 об. – 2 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 331).

Датируется апрелем 1841 года, по положению чернового текста в записной книжке.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году» говорил, что стихотворения Лермонтова «„Утес“, „Дубовый листок оторвался от ветки родимой“, „Морская царевна“, „Тамара“ и „Выхожу один я на дорогу“ принадлежат к лучшим созданиям Лермонтова» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 411). В статье 1844 года «Стихотворения М. Лермонтова» он писал: «„Сон“, „Тамара“, „Утес“, „Выхожу один я на дорогу“, „Морская царевна“, „Из-под таинственной, холодной полумаски“, „Дубовый листок оторвался от ветки родимой“, „Нет, не тебя так пылко я люблю“, „Не плачь, не плачь, мое дитя“, „Пророк“, „Свидание“, – одиннадцать пьес, все высокого, хотя и не равного достоинства, потому что „Тамара“, „Выхожу один я на дорогу“ и „Пророк“, даже и между сочинениями Лермонтова, принадлежат к блестящим исключениям» (т. 9, 1910, стр. 42).

Спор (стр. 193, 298)

Печатается по беловому автографу – ЛБ (из архива Ю. Ф. Самарина). Имеются также черновой (карандашом) и белой с поправками (чернилами) автографы – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 2 об. – 5 и 6–7.

Впервые напечатано в «Москвитяине» (1841, ч. 3, № 6, стр. 291–294). Подпись: «М. Лермонтов».

Стихотворение написано в Москве, в апреле 1841 года (см. письмо Ю. Ф. Самарина к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 года и запись его же в дневнике 1841 года – Соч. Самарина, т. 12, М., 1911, стр. 55–57). В автографе ЛБ – помета (карандашом) Ю. Ф. Самарина: «Писан рукою Лермонтова и подарен мне». 15 июня 1841 года Самарин, отправляя подаренную ему рукопись М. П. Погодину, писал: «Посылаю вам приношение Лермонтова в ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за вас, и за всех читателей „Москвитянина“» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, стр. 236).

Стихотворение «Спор», изображающее вступление на Кавказ русской армии под начальством А. П. Ермолова («генерал седой»), является выражением зрелости общественно-исторических взглядов Лермонтова. Сочувствуя народам Кавказа, живо интересуясь их культурой и бытом, поэт в то же время убежден в том, что присоединение Кавказа к России и приобщение его к экономической и культурной жизни ее исторически неизбежны и прогрессивны.

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана», стр. 197, 300)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 7 об. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 21–22 (4 об. – 5 об. с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. 1, стр. 183).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Стихотворение, возможно, навеяно песней терских казаков:

...Ох, не отстать–то тоске–кручинушке
От сердечушка моего.
Как сегодняшнюю темную ноченьку
Мне мало спалось, –
Мне мало спалось, на белой заре
Много во сне виделось.
Во сне виделось: ох, будто б я, удал добрый молодец,
Убитый на дикой степе лежу...
Ретивое мое сердечушко простреленое...
(«Терский сборник», приложение к» Терскому календарю на 1891 год», вып. 1,
Владикавказ, 1890, отд. II, стр. 133–139).

Белинский о стихотворении «Сон» – см. примечания к стихотворениям «Утес» (стр. 359) и «Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 364).

L'Attente (стр. 198, 301)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 37 (по тексту стихотворения в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной). По данному автографу опубликовано в «Лит. наследстве», т. 19–21, 1935, стр. 514. Имеется также черновой (карандашом, без заглавия) автограф этого стихотворения – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 16 (л. 10 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано (по черновому автографу) в «Русск. старине» (1887, т. 54, № 5, стр. 406; т. 56, № 12, стр. 735–736).

Письмо Лермонтова к С. Н. Карамзиной из Ставрополя датировано 10 мая 1841 года, что позволяет и содержащееся в нем данное стихотворение приурочить к этому времени.

На основании публикации П. П. Вяземского («Русск. архив», 1887, т. 3, № 9, стр. 129–142) считалось посвященным француженке–поэтессе Адели Оммер де Гелль и датировалось 28 октября 1840 года. Мистификация П. П. Вяземского, оперировавшего подложными письмами Оммер де Гелль, была разоблачена советскими литературоведами (см. «Лит. наследство», 45–46, 1948, стр. 761–766).

«Лилейной рукой поправляя» (стр. 199, 301)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 23 (3 об. с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 201).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

Капгар – от турецкого «капкара», черный.

Туксус (туксюз), по–татарски – безбородый.

«На бурке под тенью чинары» (стр. 200, 302)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (карандашный набросок в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 22 об. (л. 4 с другого ее конца).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 200–201).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является началом стихотворения.

«Они любили друг друга так долго и нежно» (стр. 201, 302)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 7 об.–8. Два черновых автографа, чернилами и карандашом, – там же, л. 8 и лл. 19 об. – 20

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
(лл. 6 об. – 7 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 317).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Является вольным переводом стихотворения Гейне «*Sie liebten sich beide*», 1823 (из «*Buch der Lieder*» – «Книги песен». – Нем.), начало которого приведено Лермонтовым в качестве эпиграфа. Концовка стихотворения изменена Лермонтовым: у Лермонтова – «Взяла их смерть... и всё объяснилось на небе», у Гейне – влюбленные и по смерти не узнают о своей земной любви.

Белинский в статье «Русская литература в 1843 году», ошибочно отнеся стихотворение «Они любили друг друга» к группе произведений, которые «принадлежат к самой ранней эпохе поэтической деятельности Лермонтова», говорил, что все они «замечательны не столько в эстетическом, сколько в психологическом отношении, как факты духовной личности поэта. В эстетическом отношении, эти пьесы поражают то энергическим стихом, то могучим чувствованием, то яркою мыслию; но в целом они довольно слабы и отзываются юношескою незрелостию» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 410–411).

Тамара (стр. 202, 303)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 8 об.–9. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 19 об. – 20 об. (лл. 6–7 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 229–230).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

В основу стихотворения положена народная грузинская легенда о царице Дарье, которая жила в старинной башне на Тереке, заманивала к себе на ночь путников, под утро убивала их и выбрасывала трупы в Терек. Имени царицы Дарьи нет в грузинской истории. Это имя возникло, вероятно, от названия Дарьяльского ущелья, где находился легендарный замок, или от сближения с именем и обликом царицы Дареджан, жившей в XVII веке. Лермонтов слышал такой вариант легенды, в котором имя Дареджан было заменено именем популярной в Грузии царицы Тамары, воспетой в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Белинский о стихотворении «Тамара» – см. примечания к стихотворениям «Утес» (стр. 359) и «Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 364).

Свиданье (стр. 204, 304)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 9 об. – 10 об. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 16 об. – 18 (лл. 8 об. – 10 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 198–200).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Свиданье» – см. примечание к стихотворению «Утес» (стр. 359).

Листок (стр. 207, 305)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 10 об. – 11. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 18 об. – 19 (лл. 7 об. – 8 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 193).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Белинский о стихотворении «Листок» – см. примечание к стихотворению «Утес» (стр. 359).

«Выхожу один я на дорогу» (стр. 208, 306)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка Лермонтова, подаренная ему В. Ф. Одоевским), лл. 11 об. – 12.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1843, т. 27, № 4, отд. I, стр. 332).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Выхожу один я на дорогу» – см. примечания к стихотворениям «Утес» (стр. 359) и «Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 364).

Морская царевна (стр. 210, 306)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 12–13.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1843, т. 28, № 5, отд. 1, стр. 1–2).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Белинский о стихотворении «Морская царевна» – см. примечание к стихотворению «Утес» (стр. 359).

Пророк (стр. 212, 306)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), лл. 13 об. – 14. Черновой автограф карандашом – там же, лл. 23 об. – 24 (лл. 2 об. – 3 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1844, т. 32, № 2, отд. I, стр. 197).

Датируется маем – началом июля 1841 года по положению в записной книжке.

Лермонтовский «Пророк» является своеобразным продолжением стихотворения Пушкина под тем же заглавием. Если Пушкин ставит вопрос об огромном общественном значении поэта и поэзии, то Лермонтов говорит уже о печальной судьбе поэта-гражданина, осмелившегося выступить с критикой общественных порядков.

Белинский писал: «... стихотворение „Пророк“ принадлежит к лучшим созданиям Лермонтова и есть последнее (по времени) его произведение. Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дождался России!..» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 430). См. также примечание к стихотворению «Утес» (стр. 359).

«Нет, не тебя так пылко я люблю» (стр. 214, 307)

Печатается по беловому автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 12 (записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским), л. 11 об. Черновой автограф – здесь же, л. 15 об. (л. 11 с другого конца книжки).

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 194).

Датируется летом 1841 года, когда Лермонтов встречался с Е. Быховец.

По мнению П. А. Висковатова, обращено к Софье Михайловне Соллогуб (урожденной Вьельгорской, 1820–1878), жене писателя В. А. Соллогуба (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 326–327). Однако в последнее время высказано более убедительное предположение, что стихотворение это относится к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался в Пятигорске летом 1841 года (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 492).

«Подруга юных лет» – очевидно, В. А. Бахметева (урожд. Лопухина). В своем письме от 5 августа 1841 года Е. Быховец рассказывала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в В. А. Бахметьеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» («Русск. старина», 1892, № 3, стр. 767).

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Белинский в статье 1843 года «Библиографические и журнальные известия» писал, что «восемь новооткрытых стихотворений его <Лермонтова> принадлежат к замечательнейшим его произведениям, особенно: „Сон“, „Тамара“. „Нет, не тебя так пылко я люблю“ и „Выхожу один я на дорогу“» (Белинский, т. 8, 1907, стр. 201). В статье же «Русская литература в 1843 году», отнеся стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Сон» к группе пьес, которые «равно интересные как в эстетическом, так и в психологическом отношении», отметил, что они «принадлежат, без всякого сомнения, к эпохе полного развития могучего таланта незабвенного поэта» (там же, стр. 411). См. также примечание к стихотворению «Утес» (стр. 359).

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ГОДОВ

Крест на скале (стр. 215, 307)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 4, № 26 (тетрадь 2, в. Х. Хохрякова), л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 57–58).

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 г., когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых.

В копии под стихотворением надписано: M-lle Souchkoff; на полях помета Висковатова о том, что стихотворение адресовано m-lle Сушковой, по его предположениям Е. П. Сушковой, впоследствии гр. Ростопчиной.

Черны очи (стр. 216, 307)

Печатается по автографу – ЛБ, М., 8228, 45, л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188.

Дата не установлена. Возможно, стихотворение относится к 1830 году.

Обращено, вероятно, к Е. А. Сушковой.

К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою», стр. 217, 307)

Печатается по автографу – ЛБ, М., 8228, 45, л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки, т. 1, 1910, стр. 188–189.

Дата стихотворения не установлена.

Вариант первой строфы имеется в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою» (1837, стр. 96), стихи 7–8 введены были в стихотворение «Он был рожден для счастья, для надежд» (1832, стр. 63).

Гость («Кларису юноша любил», стр. 218)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 64.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, № 8, стр. 389–390), лл. 2–4.

Дата не установлена.

«Non, si j'en crois mon espérance» (стр. 221)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 64, л. 1. Копия сделана по бумагам А. М. Верещагиной.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1882, т. 35, № 8, стр. 391).

Дата не установлена.

П. А. Висковатов, публикуя это стихотворение в «Русской старине», во вступительной заметке указывал, что оно относится к 1830–1832 годам, и намекал, что оно обращено к В. А. Лопухиной. Однако в 1 томе «Сочинений» Лермонтова под редакцией того же Висковатова (М., 1889, стр. 235–236) это стихотворение отнесено

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
к 1832 году и напечатано с посвящением А. М. Верещагиной.

<Н. Н. Арсеньеву> (стр. 222, 308)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, оп. 2, № 3 (альбом Н. Н. Арсеньева). В автографе подпись: «М. Лермантов».

Имеется фотокопия – ИРЛИ, оп. 2, № 119.

Стихотворение опубликовано впервые в «Русск. архиве» (1871, № 7/8, стлб. 1271–1272).

Дата не установлена.

Николай Николаевич Арсеньев (род. в 1809 году) – родственник поэта по матери, М. М. Лермонтовой. Учился в кадетском корпусе, потом служил в кавалергардах.

«Опять, народные витии» (стр. 223, 308)

Печатается по черновому автографу, состоящему из пяти строф, – ГИМ, ф. 445, № 227а (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 59–60. После стиха 29 семь стихов зачеркнуты (см. варианты).

Впервые опубликован отрывок стихотворения в «Современнике» (1854, т. 45, № 5, отд. I, стр. 5), без нумерации строф. Полностью стихотворение помещено, как состоящее из шести строф, в «Библиогр. записках» (1859, т. 2, № 1, стлб. 21–22) с нумерацией строф, при этом по поводу строфы, помеченной цифрой 5 и замененной двумя строками точек, было сделано внизу примечание: «Этой строфы недостает а доставленном нам списке».

В 1863 году С. С. Дудышкин напечатал это стихотворение (с некоторыми разночтениями) в томе 1 «Сочинений Лермонтова», датировав его 1830–1831 годами (стр. 155–157).

В своем показании от 21 февраля 1837 года по поводу стихотворения «Смерть поэта» С. А. Раевский упоминал и о стихотворении «Опять, народные витии», подчеркивая, что здесь «Лермонтов... обнаружил русское негодование против французской безнравственности их палат и т. п.», и далее приводил с двумя разночтениями стихи 39–45, указав, что всё стихотворение написано, «кажется, в 1835 году» («Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 339–340).

П. А. Висковатов в томе I «Сочинений Лермонтова» (1889, стр. 245–246), поместив стихотворение «Опять, народные витии» под датой 1835 года на основании показаний С. А. Раевского, воспроизвел текст, напечатанный в Соч. под ред. С. С. Дудышкина (т. 1, стр. 155–157).

В воспоминаниях А. П. Шан-Гирея, говорится: «Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе, Лермонтов написал пьесу в роде известной „Клеветникам России“, но... никогда не хотел впоследствии напечатать ее» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 743). Далее Шан-Гирей приводил (с несколькими разночтениями) текст стихотворения «Опять, народные витии». В виду неопределенности показания С. А. Раевского, стихотворение печатается в разделе разных годов.

Не имея достаточных оснований предполагать, что стихотворение «Опять, народные витии» состоит из шести строф (т. е., что одна строфа до сих пор не известна), мы, производя нумерацию строф, обозначаем две последние строфы, как 4 и 5. Кроме того, стихи 30–36, зачеркнутые в автографе, переносим в раздел «Варианты».

«Когда надежде недоступный» (стр. 225, 308)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 34 (тетрадь «Лекции из географии»), лл. 58 об. – 59. Автограф карандашом. Два слова в стихе 6 («былое ежечасно») обведены чернилами.

Впервые было опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 287–288).

Дата окончательно не установлена. Возможно, что написано одновременно с поэмой «Сашка», черновые наброски которой находятся в той же тетради.

«Ах! ныне я не тот совсем» (стр. 226)

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 16, стлб. 496–497), где было
опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа».

«Он был в краю святом» (стр. 228)

Печатается по «Библиогр. запискам» (1861, т. 3, № 1, стлб. 19), где было
опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832).

«Никто моим словам не внемлет.. я один» (стр. 229)

Печатается по автографу – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 53.

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (1935, т. 19–21, стр. 505).

Дата точно не установлена. Можно предполагать, что стихотворение написано не
позднее 1837 года, когда Лермонтов часто встречался с С. А. Раевским, у которого
и сохранилась рукопись произведения.

Листок с автографом находился в архиве Е. А. Карлгоф-Драшусовой, хозяйки
литературного салона в Петербурге. После смерти Лермонтова С. А. Раевский послал
ей этот листок со следующей запиской: «Соображения Лермонтова сменялись с
необычайною быстротою, и как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в
душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко – и я бывал
свидетелем, как во время размышления противника его в шахматной игре Лермонтов
писал драматические отрывки, замещая краткие отдыхи своего поэтического пера
быстрыми очерками любимых его предметов: лошадей, резких физиономий и т. п. Для
сохранения воспоминания об этой отличительной черте Раевский с отличным
почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный
листок Лермонтова, согласно желанию ее. – 10 июня 1844. С. Раевка» (ЦГЛА, ф.
276, оп. 1, № 155).

«Мое грядущее в тумане» (стр. 230, 309)

Печатается по автографу ЦГЛА из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой (ф. 276, оп. 1,
№ 53, отдельный листок).

Впервые опубликовано в «Лит. наследстве» (1935, т. 19–21, стр. 505–506).

Дата точно не установлена. Стихотворение может быть написано не позднее 1837 г.,
так как автограф находится на одном листке со стихами «Никто моим словам не
внемлет...» (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Стихотворение не завершено.

«Это случилось в последние годы могучего Рима» (стр. 231)

Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 276, оп. 1, № 67 (тетрадь Чертковской
библиотеки), лл. 5–6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано (без последнего стиха) в сборнике «Вчера и сегодня» (кн. 1,
СПб., 1845, стр. 92–93), а последний стих – в «Библиогр. записках» (1859, т. 2,
№ 1, стлб. 20).

Дата не установлена.

Стихотворение не закончено.

Это единственный в поэзии Лермонтова опыт гекзаметра.

В стихотворении допущен анахронизм: действие происходит во времена императора Тиберия (14–37 годы I века нашей эры). Гонения на христиан в Риме тогда еще не было.

<I> «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (стр. 233, 309)
Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания в Париже) – «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 17). В автографе – помета неизвестной рукой: «Отдано в „Молодик“». Копия под заглавием «К Кавказу» – ИРЛИ, оп. 2, № 32 (тетрадь В. Шульца), лл. 24 об. – 25.

Впервые опубликовано с неточностями по автографу (см. выше) в «Молодике» на 1844 год (СПб., 1844, стр. 8) под заглавием «К Кавказу». Напечатано вторично, уже как посвящение к поэме «Демон», в «Современнике» (1855, т. 50, № 4, отд. I, стр. 435–436) по копии с тетради, доставленной в редакцию неким Ч* (вероятно, Б. Н. Чичеринным). С тех пор перепечатывалось в изданиях сочинений Лермонтова как посвящение к «Демону».

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия В. Шульца не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

Написано октавами (так же, как и близкое к нему по форме и содержанию посвящение к поэме «Аул Бастунджи»).

<II> «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (стр. 234, 310)
Печатается по факсимиле (с автографа без заглавия из частного собрания, Москва) – «Лит. наследство» (т. 43–44, М., 1941, стр. 24). Копия, принадлежавшая А. А. Краевскому, тоже без заглавия – ИРЛИ, оп. 2, № 49.

Впервые опубликовано в Соч под ред. Ефремова (т. 1, СПб., 1880, стр. 554) как посвящение к поэме «Демон» и перепечатывалось под тем же названием в последующих изданиях сочинений Лермонтова.

В настоящем издании печатается как самостоятельное стихотворение, так как ни автограф, ни копия Краевского не дают никаких оснований считать его посвящением к «Демону». Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы «Демон».

Дата написания не установлена. Судя по почерку и содержанию, относится к последним годам жизни Лермонтова (1838–1841).

По строфической своей форме аналогично «Сказке для детей».

«Не плачь, не плачь, мое дитя» (стр. 235)
Печатается по «Отч. запискам» (1843, т. 28, № 6, отд. I, стр. 195), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен.

Дата не установлена.

Отдельные стихи частично совпадают с первым монологом Демона из поэмы под тем же названием (ср. «Не плачь, дитя, не плачь напрасно»; «Не оценит тоски твоей», см. настоящее издание, т. 4).

«Quand je te vois sourire» (стр. 236)
Печатается по «Библиогр. запискам» (1859, т. 2, № 1, стлб. 23), где было опубликовано впервые со ссылкой на тетрадь копий Л. И. Арнольди.

Автограф не известен.

Дата написания не установлена.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Песня («Что в поле за пыль пылит», стр. 239)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 12 об. – 13.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке», 1875, № 256.

Датируется 1830 годом по положению в тетради XX. Песня связана с планом исторической поэмы о Мстиславе Черном, которая была задумана Лермонтовым в 1831 году (см. том 6 настоящего издания).

Стихотворение, очевидно, является записью народной песни, очень распространенной в крестьянской среде и имеющей много различных вариантов. Один из них (не совпадающий с записью Лермонтова) был напечатан И. Сахаровым в «Песнях русского народа» (СПб., ч. 4, 1839, стр. 398–399). Другой (также отличный от записи Лермонтова) был приведен П. И. Якушкиным в его «Сочинениях» (СПб., 1884, в отделе «Исторические песни», № 8, стр. 532–534). Записывая текст песни, Лермонтов, видимо, подверг его некоторой литературной обработке.

Приложение II

ПЕРЕВОДЫ

Мрак. Тьма (стр. 241)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 3–4 об.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 422–423).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VIII.

Ученический перевод стихотворения Байрона «Darkness» («Тьма». – Англ.).

The Giaour (стр. 242)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 5–8.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 423–425).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VIII.

Ученический перевод стихов 1–67, 103–167 и 200–223 поэмы Байрона «Гяур».

Napoleon's Farewell (стр. 245)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 8 об.–9.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 425).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VIII.

Перевод стихотворения Байрона («Прощание Наполеона». – Англ.).

Верро (стр. 246)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 9 об.

Впервые опубликовано в Соч. изд. Академической библиотеки (т. 2, 1910, стр. 425).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VIII.

Перевод строфы 1 поэмы Байрона «Беппо». Лермонтов обозначил отрывок цифрой «1» и затем поставил цифру «2», однако к переводу второй строфы не приступил.

«Я проводил тебя со слезами» (стр. 246)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 4 об.

На этом же листе, на полях, рукой Лермонтова записан текст немецкого оригинала – стихотворения немецкого поэта Иоганна Т. Гермеса (1738–1821). Немецкий текст, записанный Лермонтовым, имеет некоторые отличия от печатного текста

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
стихотворения. Вероятно, поэт записал его по памяти. Приводим этот текст целиком:

Dir folgen meine Thränen,
Dir die du von mir fliehst
Und mein unendlich Sehnen
Ganz ohne Thränen siehst!
Je ist der Tag verloren,
Auf den ich mich gefreut!
Doch was ich dir geschworen,
Hat mich noch nie gereut.
Und könntest du noch messen
Den Schmerz, den ich nicht mass:
Du würdest nie vergessen
Den, der dich nie vergass!
Der Anblick dieser Wunden
Würd dir dann schmerzhaft sein, –
Wir würden diese Stunden
Mein erstes Glück erneun!
Mein Herz, das du verkennest,
O Freundin! bleibt doch dein.
Das Herz, für das du brennest,
Wird nicht so standhaft sein!
(J. T. Hermes. Lieder und Arien aus Sophiens Reis, 1779).

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 183–184).

Датируется 1831 годом по положению в тетради XI.

Приложение III

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ

В разделе «Стихотворения, приписываемые М. Ю. Лермонтову» печатаются стихотворения, наиболее достоверные по принадлежности Лермонтову: экспромт «Три грации считались в древнем мире», «Хвала тебе, приют лентяев», «И на театре, как на сцене света», баллада «Югельский барон», пятигорские экспромты и три стихотворения, продиктованные Н. Ф. Щербине.

Экспромт («Три грации считались в древнем мире», стр. 247)

Печатается по «Запискам» Е. А. Сушковой (1870, стр. 91), где опубликовано впервые.

Е. А. Сушкова рассказывает, при каких обстоятельствах написан этот экспромт: «Еще была тут одна барышня, соседка Лермонтова по чембарской деревне, и упрашивала его не терять слов для нее и для воспоминания написать ей хоть строчку правды для ее альбома. Он ненавидел попрошайек и чтоб отделаться от ее настойчивости сказал: „ну хорошо, дайте лист бумаги, я вам выскажу правду“. Соседка поспешно принесла бумагу и перо, он начал:

„Три грации...

Барышня смотрела через плечо на рождающиеся слова и воскликнула. „Михаил Юрьевич, без комплиментов, я правды хочу“.

– Не тревожьтесь, будет правда, отвечал он и продолжал:

„Три грации считались в древнем мире,

Родились вы... всё три, а не четыре!“

...Я до сих пор не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нет».

Этот же экспромт напечатан в московском издании «Листок» (№ 16, 24 февраля 1831 г.), где он приписан «молодому человеку Николаю Максимовичу».

«Хвала тебе, приют лентяев» (стр. 247)

Опубликовано в газете «День» (1863, № 42) в статье Г. Головачева

«Университетские воспоминания». По рассказу Г. Головачева, учившегося в Московском университете вместе с Лермонтовым, стихи, из которых он приводит эти строки, ходили между студентами после увольнения Лермонтова из университета.

«И на театре, как на сцене света» (стр. 247)

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. I, 1889, стр. 360) со следующим
примечанием: «Несомненно лермонтовским является следующее, находящееся в
материалах Г. Хохрякова, стихотворение, полученное им от С. А. Раевского. К
какому году оно относится, нельзя определить – вероятно ко второй половине 30-х
годов».

Югельский барон (стр. 248)

Печатается по книге «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой» (М., 1844,
стр. 193–195), где опубликовано впервые. Под заглавием помета В. Н. Анненковой:
«Начало Лерм<онтова> – до знака – конец мой». Стихи Анненковой выделены в
настоящем издании петитом.

Датируется 1837 годом – см. ниже.

Баллада посвящена родственнице Лермонтова, Александре Михайловне Верещагиной, с
которой он был особенно дружен, и представляет собой пародию на балладу
Жуковского «Смальгольмский барон» («Иванова ночь»: «До рассвета поднявшись, коня
оседлал»).

В 1837 году А. М. Верещагина вышла замуж за вюртембергского министра иностранных
дел, барона Гюгеля, по фамилии которого и получила название баллада.

Анненкова Варвара Николаевна (1795–1866) – поэтесса, хорошая знакомая бабушки
Лермонтова.

«Когда легковерен и молод я был» (стр. 249)

Печатается по воспоминаниям Толычевой: «Исторические рассказы, анекдоты и
мелочи» («Русский архив», 1877, кн. 1, № 2, стр. 263), где было опубликовано
впервые.

Записано со слов декабриста Валерьяна Михайловича Голицына (1803–1859),
сосланного на Кавказ и встречавшегося там в 1837 г. с Лермонтовым. Толычева
рассказывает, что на одном вечере, когда Лермонтов жил на Кавказе, приятели
поджидали поэта, но он не пришел, а прислал записку, в которой было написано это
стихотворение.

По форме является пародией на «Черную шаль» Пушкина.

<Экспромты 1841 года>

Четырнадцать следующих экспромтов: «Очарователен кавказский наш Монако», «В
игре, как лев, силен», «Милый Глебов», «Скинь бешмет свой, друг Мартыш», «Смело
в пире жизни надо», «Велик князь Ксандр», «Наш князь Василь», «Он прав, наш друг
Мартыш», «Слишком месяц у Мерлини», «Он метил в умники, попался в дураки»,
«Зачем, о счастья мечтая», «Мои друзья вчерашние – враги», «Им жизнь нужна моя»,
«Ну, вот теперь у вас» печатаются по «Ист. вестнику» (1892, т. 47, № № 2 и 3,
стр. 431, 442–444, 454–455, 705–706, 713, 718, статья П. К. Мартынова
«Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова»), где опубликованы впервые.

«Очарователен кавказский наш Монако» (стр. 249). Мартынов, будучи в 1870 году в
Пятигорске, собирал материалы, связанные с Лермонтовым. Он сообщает, что этот
экспромт, записанный им со слов поручика Куликовского, произнесен был
Лермонтовым на одной из пирушек во время последнего пребывания поэта в
Пятигорске. В экспромте дана характеристика этого курортного городка.

«В игре, как лев, силен» (стр. 249), «Милый Глебов» (стр. 249), «Скинь бешмет
свой» (стр. 249), «Смело в пире жизни надо» (стр. 249). Мартынов рассказывает,
что эти четыре экспромта импровизированы Лермонтовым в один из июньских вечеров
1841 года в Пятигорске, в доме В. И. Чилыева, в котором жил Михаил Юрьевич
вместе со своим родственником и другом А. А. Столыпиным. В этот вечер Лермонтов
играл в карты с Л. С. Пушкиным, к которому и относится первый экспромт.

Тогда же, после проигрыша нескольких ставок Л. С. Пушкину, Лермонтов подошел к
Глебову, сидевшему в кабинете в раздумье, и произнес экспромт: «Милый Глебов», а
Мартынову, жаловавшемуся на жару и носившему летом бешмет, адресовал экспромт:
«Скинь бешмет свой, друг Мартыш». К князю же С. В. Трубецкому, который в этот
вечер вел разговор о «пире жизни», поэт адресовал четвертый экспромт: «Смело в
пире жизни надо».

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Михаил Павлович Глебов (1818–1847), к которому относится второй экспромт («Милый Глебов»), впоследствии секунданта Мартынова на дуэли его с Лермонтовым – лейб-гвардии конного полка корнет; с ним Лермонтов участвовал в бою при Валерике. В рукописном журнале военных действий генерала Галафеева (ИРЛИ, оп. 3, № 32, л. 26 об.) указывается, что 11 июля 1840 года, в битве при Валерике, в числе отличившихся был корнет Глебов, который ранен при этом в правое плечо.

Надя – Надежда Петровна Верзилина, за которой ухаживал Глебов (см. примечание к экспромту «Надежда Петровна, отчего так неровно», стр. 377).

Мартыш – Николай Соломонович Мартынов (1815–1875), убийца Лермонтова. Поэт был знаком с ним еще со времени совместного учения в юнкерской школе. В 1841 году, выйдя в отставку, Мартынов приехал в Пятигорск, поселился в одном доме с Глебовым и часто встречался с Лермонтовым. Поэт, постоянно вышучивал франтовство Мартынова, носившего всегда длинный кинжал за поясом и кавказский бешмет, называл его «Мартыш», «Montagnard au grand poignard» («Горец с большим кинжалом». – франц.), и рисовал на него карикатуры.

«Велик князь Ксандр» (стр. 249) и «Наш князь Василь» (стр. 250). Оба экспромта направлены против князя Александра Иларионовича Васильчикова (1818–1881), который летом 1841 года находился в Пятигорске и поселился в доме Чиляева, рядом с домом, в котором жил Лермонтов. Васильчиков и Глебов были секундантами на дуэли Лермонтова с Мартыновым.

В статье «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» («Русск. архив», 1872, № 1, стр. 205–213) Васильчиков пытался принизить образ великого русского поэта и оправдать его убийцу – Мартынова.

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон» (стр. 250). Экспромт относятся к Н. С. Мартынову (см. примечание к экспромту «Скинь бешмет свой», стр. 374).

«Слишком месяц у Мерлини» (стр. 250). Экспромт записан В. И. Чиляевым со слов М. П. Глебова. Адресован вдове генерала С. Д. Мерлини – Екатерине Ивановне Мерлини. На основании новейших документальных данных установлено, что в доме Е. И. Мерлини собирались наиболее отъявленные враги поэта, а сама она была тайным агентом III отделения и играла предательскую роль по отношению к Лермонтову в последние дни его жизни («Лит. наследство», № 45–46, «М. Ю. Лермонтов», 2, стр. 481).

В экспромте упоминается княгиня Эристова и П. В. Волков («верный паладин»). «Шотландка» или «Каррас» – немецкая колония в семи верстах от Пятигорска. В этой колонии находился ресторан Рокше.

«Он метил в умники, попался в дураки» (стр. 251). Мартынов (со слов В. И. Чиляева) сообщает, что Лермонтов, прежде чем написать этот экспромт, рассказал М. И. Верзилиной о том, как один калужский помещик привез в Пятигорск трех своих дочерей с намерением выдать их замуж за кавказских офицеров, но, не найдя им женихов, уехал обратно к себе в имение.

«Зачем, о счастии мечтая» (стр. 251). Экспромт обращен к падчерице П. С. Верзилина – Эмилии Александровне Клингенберг (впоследствии по мужу Шап-Гирей; см. примечание к экспромту «За девицей Emilie», стр. 376).

«Мои друзья вчерашние – враги» (стр. 251) и «Им жизнь нужна моя» (стр. 251). Эти два экспромта были произнесены Лермонтовым за несколько дней до дуэли. Мартынов (со слов В. И. Чиляева) пишет, что утром 12 июля 1841 года Лермонтов и А. А. Столыпин явились к пятигорскому коменданту полковнику Ильяшенкову с просьбой продлить им курс лечения серными минеральными водами. Ильяшенков, после официального разговора, советовал Лермонтову быстрее уезжать из Пятигорска, так как у него, Лермонтова, появилось много врагов, которые еще недавно считались его друзьями. Лермонтов на это ответил ему первым экспромтом: «Мои друзья вчерашние – враги». На заявление Ильяшенкова о том, что Лермонтова могут убить, поэт ответил вторым экспромтом: «Им жизнь нужна моя».

«Ну, вот теперь у вас» (стр. 251). Мартынов (со слов В. И. Чиляева) пишет, что этот экспромт Лермонтова был едва ли не последний в его жизни. В роковой вечер 12 июля 1841 года, когда Мартынов вызвал его на дуэль, Михаил Юрьевич, по выходе из дома Верзилиных, прощаясь с товарищами, пожимая им руки, сказал этот

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
экспромт. «И только после дуэли, когда схоронили предательски убитого поэта, –
пишет Мартынов, – кто-то, кажется, Дмитриевский, разгадал смысл сказанных им
слов. Под именем Миллер были скрыты инициалы поэта: Ми Лер, а под именем Эмма –
инициалы Мартынова: М(Э)а или же инициалы Эмилии и Мартынова Эм Ма».

«Куда, седой прелюбодей» (стр. 251). Печатается по «Ниве», где опубликовано
впервые («Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова». Записано В. Желиховской,
«Нива», 1885, № 8. стр. 186).

Экспромт адресован полковнику Александру Манзею, который был прикомандирован к
Кавказскому линейному казачьему войску.

«За девицей Emilie» (стр. 252). Печатается по копии П. И. Бартенева в его письме
П. А. Ефремову от 9 марта 1873 года (ИРЛИ, оп. 2, № 52). Впервые опубликовано в
Соч. изд. «Academia» (т. 2, стр. 154).

Экспромт относится к дочерям П. С. и М. И. Верзилиных – Эмилии, Надежде и
Аграфене.

В 1841 году в Пятигорске, по воспоминаниям современников, одним из домов,
которые часто посещал Лермонтов, был дом наказного атамана кавказского войска,
генерал-майора Петра Семеновича Верзилина.

Эмилия Александровна Клингенберг (1815–1891) впоследствии вышла замуж за друга и
родственника Лермонтова А. П. Шан-Гирея и написала ряд воспоминаний о Лермонтове
(«Новое время», 1881, № 1983; «Ист. вестник», 1881, № 10; «Нива», 1885, № 27;
«Русск. архив», 1887, № 11; «Русск. архив», 1889, № № 6 и 12; «Новое время»,
1869, № 4781; «Русск. обозрение», 1891, № 4; «Маяк», 1891, № 36; «Север», 1881,
№ 1983 и 1891, № 12).

В последнем стихе экспромта речь идет о нагайском приставе Дикове, с которым
была в это время помолвлена дочь Верзилина – Аграфена Петровна.

Экспромт этот известен и в другой редакции (Соч. под ред. Висковатова, т. 6,
1891, стр. 397):

Пред девицей Emilie
Молодежь лежит в пыли,
У девицы же Nadine
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.

«Надежда Петровна, отчего так неровно» (стр. 252). Печатается по копии ИРЛИ, оп.
4, № 67 (лист из альбома Н. П. Верзилиной).

Этот экспромт, по воспоминаниям Э. А. Шан-Гирей, написан Лермонтовым в
Пятигорске, в доме П. С. Верзилина, и обращен к его младшей дочери – Надежде
Петровне Верзилиной («Нива», 1885, № 27, стр. 646).

В других воспоминаниях текст этого экспромта приводится с некоторыми
разночтениями (рассказ Н. П. Раевского, записанный В. Желиховской, «Нива», 1885,
№ 7, стр. 167; воспоминания К. И. Карпова, записанные С. Филипповым, «Русск.
мысль», 1890, № 12, стр. 80).

В сообщении В. Желиховской приводится следующий текст экспромта:

Надежда Петровна,
Зачем так неровно
Разобран ваш ряд
И букли назад?
Платочек небрежно
Под шейкою нежной
Завязан узлом...

Пропал мой Монго потом!

Опровергая эту версию, Э. А. Шан-Гирей опубликовала другой текст и сообщила
обстоятельства, при которых создан экспромт. Когда появились воспоминания К. И.
Карпова, она снова выступила с опровержением.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Э. А. Шан-Гирей по поводу этого экспромта писала: «Шутка-стихи были написаны Лермонтовым в минуту шаловливого настроения и не вечером, а перед обедом. Все мы приставали к нему, чтобы написал что-нибудь. Лермонтов долго отговаривался, что по приказанию писать не может, тогда его усадили насильно, всунули в руку перо, развернули перед ним альбом Надежды Петровны и все в один голос настаивали, чтоб он написал непременно. Тогда он написал» (следует экспромт). («Русск. обозрение», 1891, № 4, стр. 708).

Однако память изменила Э. А. Шан-Гирей. Листок альбома, на который она ссылается, принадлежавший впоследствии Н. А. Токаревой, дочери Надежды Петровны, в действительности содержит не автограф Лермонтова, а позднейшую запись, сделанную рукой неизвестного 7 декабря 1842 г. в Ставрополе. При этом Э. А. Шан-Гирей позволила себе «исправить» второй стих записи по публикации В. Желиховской:

Зачем так неровно

Указанная запись остается самым авторитетным источником текста, так как находится в альбоме лица, к которому обращен экспромт Лермонтова, и сделана через сравнительно короткий срок после того, как этот экспромт был произнесен Лермонтовым.

Последний стих, французский, содержит указание на то, что шестой стих не рифмуется с третьим.

«Поверю совести присяжного дьяка» (стр. 252)

Печатается по книге «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина» (т. 3, СПб., 1858, стр. 356), где было опубликовано впервые.

Перед этим стихотворением напечатана заметка: «Три стихотворения Лермонтова. (Доставлено Н. Д. С – ым). Лермонтов умер в 1841 г., на руках офицера, выслужившегося из солдат. При умершем поэте находилась тетрадь стихотворений, сочиненных Лермонтовым и написанных собственной рукой его; тетрадь эта досталась г. Трофимовичу, служившему офицером на Кавказе; в 1844 г., будучи проездом в Харькове, он продиктовал из нее Н. Ф. Щербине столько стихов, сколько помнил наизусть, так как подлинник оставлен был им в Одессе. Вот эти стихи:» (следует текст стихотворений «Поверю совести присяжного дьяка», «Винтовка пулю верную послала» и «Приветствую тебя я, злое море»).

Дата не установлена.

«Винтовка пулю верную послала» (стр. 252)

См. примечание к предыдущему стихотворению.

«Приветствую тебя я, злое море» (стр. 253)

Печатается по той же книге, что и два предыдущих стихотворения, стр. 358.

См. примечание к стихотворению «Поверю совести присяжного дьяка» (стр. 378). В конце стихотворения помечены еще три строфы: 3-ья, 4-я, 5-я, текст которых заменен точками.

Иллюстрации

1. М. Ю. Лермонтов. Акварель О. А. Кочетовой, 1880 г. Копия с автопортрета, 1837 г.

Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

2. Кавказский вид с Эльбрусом. Картина маслом М. Ю. Лермонтова, 1837 г.

Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

3. При Валерике 12 июля. Акварель М. Ю. Лермонтова, 1840 г.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

4. Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова, напечатанного под названием «Родина», 1841 г.

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

5. Черновой автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «На севере диком», 1841 г.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

6. Дарьял. Рисунок карандашом М. Ю. Лермонтова, 1837 г.

Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград

От редакции

В подготовке текстов второго тома и комментировании их участвовали: Т. П. Голованова (стихотворения разных годов: «Н. Н. Арсеньеву», «Гость», «Quand je te vois sourire»), Г. А. Лапкина (стихотворения 1836–1840 годов, стихотворение «Прощай, немытая Россия» 1841 года и стихотворения разных годов: «Крест на скале», «Черны очи», «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою»), «Никто моим словам не внимлет... я один», «Мое грядущее в тумане» и приложения I, II), А. Н. Михайлова (стихотворение «А. А. Олениной» 1839 года, пятнадцать стихотворений 1841 года – «В альбом С. Н. Карамзиной» и все стихотворения из записной книжки Одоевского; стихотворения без дат – «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», I и II), Л. Н. Назарова (стихотворения 1832–1834 годов; стихотворения 1841 года и стихотворения разных годов, за исключением вышеуказанных; стихотворение «Посреди небесных тел» 1840 года), А. И. Перепеч (приложение III – стихотворения, приписываемые Лермонтову).

Выходные данные

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР

Редакция издания: Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский

Редактор II тома Н. Ф. Бельчиков

Контрольный рецензент И. Л. Андроников

Редактор Издательства А. И. Соболева

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор Р. С. Певзнер

Корректоры О. Б. Билинкис и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР № 5–4 в. М–37703.

Подписано к печати 19/У 1954 г.

Бумага 60×92/16. Бум. л. 12 1/8. печ. л. 24 1/4. Уч. – изд. л. 15.16+5 вкл. (0.33 уч. – изд. л.).

Тираж 1–25 000. Зак. № 763а. Цена 15 руб.

1-я тип. Издательства АН СССР.

Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

Примечания

1

Я вижу перед собой лежащего гладиатора... Байрон. (Англ.). – Ред.

2

Скорей! (Франц.). – Ред.

3
И я вас поздравляю. (Франц.). – Ред.

4
Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье. (Франц.). – Ред.

5
Поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу. Неизданное (Франц.). – Ред.

6
Перевод:

Моя милая Александрина,
простите, я вас прошу,
за мой армейский чин всё,
что я вам пишу.
Меж тем, я вас уверяю,
я желаю счастья вам,
а главное много любви,
когда вы будете Мадам.
(Франц.). – Ред.

7
Существует еще следующая редакция этого стихотворения:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
□□□Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

8
Шат – Елбрус. (Примечание Лермонтова).

9
Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. (Примечание Лермонтова).

10
Перевод:

Ожидание

Я жду ее в сумрачной равнине;
вдали я вижу белеющую тень, –
тень, которая тихо подходит...
Но нет – обманчивая надежда! –
это старая ива, которая покачивает
свой ствол, высохший и блестящий.
Я наклоняюсь и долго слушаю:
мне кажется, я слышу по дороге
звук легких шагов... Нет, не то!
Это во мху шорох листа,
гонимого ароматным ветром ночи.
Полный горькой печали, я ложусь
в густую траву и засыпаю глубоким сном...
Вдруг я просыпаюсь, дрожа:

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
ее голос говорил мне на ухо,
ее губы целовали мой лоб.
(Франц.). – Ред.

11

Они оба любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне.
(Нем.). – Ред.

12

Перевод:

Нет, веря в этом моей надежде,
я жду лучшего будущего.
Преодолев расстояние,
я буду около вас силой воспоминания.
– Блуждая на другом берегу,
я издали буду следовать за вами;
и если над вами разразится гроза,
позовите меня, – и я вернусь.
(Франц.). – Ред.

13

Перевод:

Когда я вижу твою улыбку,
мое сердце расцветает,
и я хотел бы высказать тебе,
что говорит мне мое сердце. –
Тогда вся жизнь
встает перед моими глазами;
я проклиная и молюсь
и плачу тайно. –
Потому что без тебя,
моего единственного руководителя,
без твоего огненного взгляда,
мое прошедшее кажется пустым,
как небо без бога. –
И потом – странная причуда! –
я ловлю себя на том, что благословляю
прекрасный день, – о ангел мой! –
когда ты заставила меня страдать.
(Франц.). – Ред.

14

Гяур. (Англ.). – Ред.

15

Прощание Наполеона. (Англ.). – Ред.

16

Беппо. (Англ.). – Ред.

17

Эмилия. (Франц.). – Ред.

18

Надежда. (Франц.). – Ред.

19

ние сочинений в шести томах. Том 2. Стихотворения 1832–1841. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail
Вот стих, который хромает. (Франц.). – Ред.

20 В настоящем издании приводятся разночтения (по четырем копиям ИРЛИ и ГПБ),
являющиеся наиболее характерными для большинства списков.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!